

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И. Д. Левин

СУВЕРЕНИТЕТ

Иосиф Давыдович Левин
Суверенитет
Серия «Теория и история государства и права»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11284760
Суверенитет: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003
ISBN 5-94201-195-8

Аннотация

Настоящая монография написана одним из виднейших отечественных государствоведов прошлого века и посвящена сложнейшей из проблем государственного права и международной политики – проблеме суверенитета. Книга выделяется в ряду изданий, посвященных данной теме, своей фундаментальностью и широтой охвата подходов к разным аспектам суверенитета. Понятие суверенитета трактуется автором как состояние полновластия государства, связанное с монополией и концентрацией властного принуждения в рамках государства.

Для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Часть I. Сущность суверенитета	13
Глава 1. Возвышение и падение суверенитета в буржуазной науке права	13
1	13
2	18
3	22
6	27
Глава 2. Социально-политическая сущность и юридическая форма суверенитета	31
1	31
2	36
Глава 3. Определение суверенитета. Признаки суверенитета	43
1	43
2	48
3	51
4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Иосиф Левин

Суверенитет

© И. Д. Левин, 2003

© С. А. Авакьян, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей монография принадлежит Иосифу Давыдовичу Левину – одному из виднейших отечественных государствоведов прошлого века. На его судьбе отразилось время – его взрослая и тем более научная жизнь приходится на советский период отечественной истории, он был человеком своей эпохи, если судить по публикациям – добросовестно служил существовавшей идеологической системе. Система нередко ломала людей, обвиняла их в мыслимых и немыслимых прегрешениях, порой выискивая в обычных научных позициях «политические ошибки». Это И. Д. Левину пришлось испытать на себе. Но в общем и целом можно сказать, что он оставил себя во времени, поскольку научное начало в творчестве И. Д. Левина, по необходимости обильно сдобренное идеологическими пассажами, не заслоняется ими и остается главной ценностью.

Сказанное особенно относится к монографии «Суверенитет», изданной в 1948 г. и посвященной одной из сложнейших, интереснейших проблем государственного права, международного права, политики, неоднозначно трактовавшейся до автора, самим И. Д. Левиным, а также в последующие годы, наконец – и в наше время. И все же в ряду изданий, посвященных теме суверенитета, книга И. Д. Левина выделяется своей фундаментальностью, с одной стороны, авторских подходов, с другой – широтой охвата (обзора) подходов к разным аспектам суверенитета зарубежных ученых – предшественников и современников автора.

Многие десятилетия И. Д. Левин работал в Институте государства и права Академии наук СССР. Автор предисловия, работая в журнале «Советское государство и право» (1965–1968 гг.), располагавшемся в здании института, конечно, видел И. Д. Левина и многое знал о нем как о великолепном ученом и эрудированном человеке. Можно было бы как-то найти повод пообщаться с И. Д. Левиным, но не так просто молодому человеку подойти к мэтру. К тому же он был не очень здоров, не расположен к общению, не часто появлялся в институте. В общем, как говорится, не судьба.

При подготовке этого предисловия удалось посмотреть в архиве института личное дело И. Д. Левина.

Иосиф Давыдович Левин родился в 1901 г. в Варшаве в семье бухгалтера (в последующем в своих анкетах он писал – «из мешан»). Затем семья переезжает в Одессу, с 1917 г. И. Д. Левин – в Москве. В 1911 г. он поступает в классическую гимназию, оканчивает ее в 1918 г... Весной 1919 г. поступает на факультет общественных наук МГУ, осенью того же года переходит на историко-филологический факультет и оканчивает его философское отделение в 1922 г. В 1923 г. снова поступает на факультет общественных наук, его историческое отделение, но через год уходит оттуда, поскольку начинает заниматься самостоятельной научной работой.

В тексте автобиографии, имеющейся в его личном деле и относящейся к 1935 г., И. Д. Левин указывает, что он знает многие языки – немецкий, французский, английский, итальянский, испанский, польский, чешский, болгарский, греческий, латынь, арабский, персидский, турецкий, татарский, тюркский, узбекский, таджикский, украинский и белорусский.

В 1926 г. И. Д. Левин поступает в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР в качестве консультанта методического отдела. С 1927 г. работает в Коммунистической Академии в качестве ученого секретаря Комиссии по изучению национального вопроса. В 1930 г., когда Комиссия волилась в Институт советского строительства и права, переходит туда. В 1930–1940 гг. старший научный сотрудник института, в последующем преобразованного в Институт права, позже – Институт государства и права АН СССР. С 1940 г. – заведующий

сектором государственного и административного права, с 1941 г. – государственного права, далее опять старший научный сотрудник – до конца работы в Институте остается на этой должности в разных секторах (с учетом реорганизаций, расширений и т. д.).

В 1935 г. И. Д. Левин получает степень кандидата государственных и правовых наук, в 1939 г. – доктора юридических наук. Параллельно преподает в Московском юридическом институте и в 1947 г. получает звание профессора.

И. Д. Левин является автором большого количества научных работ. По нашим подсчетам, только опубликованных трудов у него не менее 110 (в 1930-1950-х гг. к научным трудам относили и то, что написано, но не опубликовано).

Не утратили актуальности его монографии: «Национальный вопрос в послевоенной Европе» (1934); «Суверенитет» (1948), «Современная буржуазная наука государственного права. Критика основных направлений» (1960). И. Д. Левин – соавтор многих коллективных монографий. Он отмечает в своих автобиографиях, что был автором и редактором известного (можно даже сказать – печально известного) учебника по советскому государственному праву 1938 г. под редакцией А. Я. Вышинского. Кроме того, являлся соавтором и соредактором учебника «Советское государственное право»

1948 г.

В 1970 г. И. Д. Левин выходит на пенсию, и его научной деятельности в области права с этого времени до кончины (1984 год) не прослеживается. Правда, обнаружилось, что одновременно с правом И. Д. Левин занимался и философией, в 1994 г. Ю. И. Левин опубликовал трехтомник его философских изысканий (М. Радикс).

Что касается монографии «Суверенитет», предлагаемой вниманию читателя, в ней автор проявляет себя как государствовед, теоретик права и государства, историк и в определенной мере, как сказали бы сегодня, политолог. И. Д. Левин – прежде всего, блестящий знаток предмета. Его эрудиции можно лишь позавидовать.

Как уже было сказано ранее, И. Д. Левин творил в духе своей эпохи, когда было естественным требование к научному сочинению в идеологических науках (а право было одной из них) критиковать западных ученых как идейных, политических противников. Кстати, и он оказался жертвой – когда в 1948–1949 гг. «громили» так называемый космополитизм как угодничество Западу и некритическое перенесение на советскую почву взглядов западных ученых, И. Д. Левин и его позиции по поводу суверенитета (в книге, статьях, стенограммах публичных лекций) тоже оказались объектом критики, и автору пришлось печатать покаянную статью (*Левин И. Д. К вопросу о сущности и значении принципа суверенитета // Сов. государство и право. 1947. № 6*).

Оставляя в стороне так называемый классовый подход к суверенитету, при котором реально речь идет скорее о характере власти, отметим, что И. Д. Левин трактует суверенитет как состояние полновластия государства, связанное с единством государственной власти, монополией или концентрацией властного принуждения в руках государства и неограниченностью государственной власти. Первый и второй факторы, конечно же, совершенно справедливо оттенены автором и снимают вопрос о возможности действия кого-то еще как представителя суверенитета (этот тезис автора, кстати, и был предметом критики Вышинского, считавшего, что кроме государства принуждение могут применять и другие организации господствующего класса). Третий фактор противоречив, поскольку неограниченность государственной власти вроде бы нельзя отрицать, если она сама себя не забывает ограничить законом, справедливостью, гуманизмом. Но в том-то и дело, что это зависит от конкретных государств и государственной власти.

Что касается суверенитета как внутреннего проявления, толкуя его как отношения между государством и гражданами, И. Д. Левин хотел, вероятно, показать, что подлинный суверенитет может быть в государстве рабочих и крестьян, которое единственно и способно

воплотить настоящий суверенитет. Но отсюда получалось, что по внутренним факторам речь может идти о способности государства иметь или не иметь суверенитет, причем в зависимости также и от экономического фундамента. В ситуации, когда формировался третий мир и СССР был заинтересован в укреплении своего влияния, такой подход к суверенитету правящая элита вряд ли могла приветствовать. Поэтому фактор внутренних условий (политических и экономических) суверенитета не был поддержан.

Собственно, оставляя идеологические мотивы в прошлом, отметим, что и сегодня надо говорить о суверенитете как о состоянии государства. По принципу собственности и внутренней способности управлять своими делами многие страны мира вряд ли могли бы претендовать на то, чтобы называться суверенными, но официально они таковыми являются.

Остается заметить, что многие положения книги, касающиеся соотношения государственного и народного суверенитета, самоопределения и суверенитета, суверенитета в федеративном государстве, рассмотренные автором с общетеоретических позиций и с учетом реалий того времени, в определенной мере будут интересны современному читателю.

*С. А. Авакьян,
заведующий кафедрой
конституционного и муниципального права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*

Введение

Понятие суверенитета является важнейшим, кардинальным понятием государственного и международного права. Наиболее насущные проблемы государственного и международного права – вопросы о самой сущности этих отраслей права, об отношении международного права к национальному праву, о юридической природе международной организации, о носителе высшей власти в государстве, о «разделении властей», о природе союзного государства, о пределах власти государства – все эти вопросы самым непосредственным и органическим образом связаны с проблемой суверенитета, а их разрешение – с решением проблемы суверенитета.

Однако роль принципа суверенитета отнюдь не исчерпывается одним лишь его значением для теории права.

Из всех юридических принципов суверенитет является наиболее *политическим*. Дело не только в прямой связи проблемы суверенитета с проблемой о сущности, носителе и пределах политической власти, но и в значении принципа суверенитета в самой политике господствующих классов государств – как внутренней, так и внешней. Теоретические и юридические споры и дискуссии вокруг проблемы суверенитета неизбежно приобретают яркую политическую окраску. Развивавшиеся еще до Второй мировой войны в кабинетах ученых, абстрактно формальные, по видимости, девственно «чистые» теории суверенитета (например, отрицание суверенитета «чистой теорией права» венской формации) получают вполне конкретное политическое применение, служа определенным политическим интересам. В борьбе сил реакции и империализма, с одной стороны, и сил демократии – с другой, характеризующей послевоенный этап развития международных отношений, сталкиваются диаметрально противоположные политические и юридические концепции суверенитета.

В буржуазных государствах теперь о суверенитете говорят с парламентских трибун, дискутируют на международных конференциях, пишут в газетах, имеющих миллионные тиражи, и в общераспространенных журналах, выступают на радио. Все это в достаточной мере говорит о том, насколько животрепещущей является тема суверенитета. Лейтмотивом всех этих выступлений можно назвать тезис о том, что суверенитет – безнадежно «устаревший» принцип, что его надо сдать в архив или подвергнуть решительному пересмотру, тезис о необходимости отказа, полного или частичного, от суверенитета как «мешающего» разрешению насущных экономических и политических проблем, тезис о необходимости освободиться от «безумия» суверенитета. Суверенитет-де мешает установлению дела мира. Суверенитет-де мешает экономическому восстановлению Европы. Суверенитет-де мешает установлению контроля над производством атомного оружия. Эти мотивы звучат в выступлениях таких глашатаев и оруженосцев современного империализма, как Черчилль, Эттли и Бевин, Мак Нейл и Идеи, Блум и Спаак, Никольсон и Ласки, и многих других. Из этих мотивов складываются сладкозвучные мелодии на тему о «мировом правительстве», «мировом парламенте», соединенных штатах мира, соединенных штатах Европы, «объединенной» Европе и т. д. и т. п.¹ Это пение сирен увлекает неискушенных людей, фантазеров и пацифистов, превращая их в невольное орудие политических планов, ничего общего не имеющих с делом мира.

¹ Обзор выступлений политических деятелей и буржуазных политических и юридических теорий дан в работах: *Коровина Е.* Борьба СССР за суверенитет. Учен. записки АОН. Вып. 1. М., 1947; *Федосеева.* Буржуазная социология о проблеме войны и мира // *Большевик.* 1946. № 22.

Подлинный смысл этих разговоров об «отмирании» суверенитета раскрывает та практика государств, для которой они должны служить «оправданием» и «теоретическим обоснованием».

«План Маршалла», «доктрина Трумэна», контроль над экономикой различных стран под прикрытием контроля над производством атомного оружия, требования «открытых дверей» и «равных возможностей», оставляющих слабые в экономическом отношении страны беззащитными перед лицом экономической экспансии монополистического капитала, неумеренное пользование машиной голосования при разрешении международных вопросов, стремление к неоправданному расширению компетенции международной организации и, особенно, международного суда, который хотят превратить в орган, стоящий над Генеральной Ассамблеей, – этот перечень охватывает лишь небольшую часть попыток превратить в жизнь теорию об «отмирании» суверенитета. Он достаточно красноречиво говорит сам за себя. Речь идет о прикрытии империалистической экспансии монополистического капитала в условиях послевоенного обострения экономических и политических трудностей капиталистического мира.

Противники суверенитета ссылаются на то, что суверенитет – категория историческая, возникшая в определенных условиях и поэтому не могущая претендовать на абсолютную значимость. Так, журнал «Observer» в июле 1947 г., заявив, что «издавна установившаяся концепция абсолютного национального суверенитета является наиболее серьезным препятствием на пути спасения Европы», напоминает, что «суверенитет наций не является частью естественного права. Он был неизвестен античному миру и средним векам». Этот исторический экскурс должен убедить читателя в том, что пора суверенитета миновала. Марксистов не приходится с важным видом поучать, что суверенитет – категория историческая. Марксизм учит, что все общественные явления имеют исторический характер. Не только суверенитет, но и государство, нация, классы возникли в определенных исторических условиях и в будущем должны исчезнуть. Однако последнее предполагает для каждой из этих категорий явлений наступление соответствующих социально-экономических предпосылок. В условиях же современной стадии исторического развития отнюдь нельзя говорить об упразднении суверенитета. Напротив, суверенитет может, должен играть и действительно играет положительную роль в борьбе за прогресс и демократию.

Противники суверенитета указывают на историческую связь суверенитета (или как они любят выражаться: абсолютного суверенитета) с абсолютизмом XVII–XVIII вв. и отсюда делают вывод о его непригодности в совершенно иных условиях XX в. Марксистско-ленинская теория не собирается приукрашивать родословную суверенитета. Мы знаем, что государство возникло в связи с появлением частной собственности как орудие подавления эксплуатируемых, но это не помешало рабочему классу использовать созданное им государство высшего типа для ликвидации капиталистической частной собственности и эксплуатации. Вопрос о политическом значении суверенитета в настоящее время не может быть решен на основании оценки значения принципа суверенитета в XVI в. Несмотря на «любовь» к истории, критикуемая нами концепция является насквозь антиисторической. Она исходит из представления о том, будто принцип суверенитета оставался неизменным на протяжении веков. В действительности принцип суверенитета развивался и приспособлялся к изменяющимся социально-политическим условиям. Исторически принцип суверенитета возник в связи с развитием абсолютизма (который сам на определенной стадии играл прогрессивную роль по сравнению с предшествующей ему феодальной раздробленностью). Но вскоре, в форме народного суверенитета, он уже оказывается направленным против абсолютизма. Буржуазия, идя к власти, восприняла принцип суверенитета, несмотря на его абсолютистское происхождение, заполнив его новым классовым содержанием и придав ему новые формы.

Нет ничего удивительного в том, что буржуазия ныне отказывается от принципов, которыми она пользовалась, идя к власти. Суверенитет разделяет судьбу многих лозунгов, популярных в XVIII в. и ныне свергаемых с пьедестала как «отжившие свое время». Принцип государственного суверенитета как полновластия государства и его неограниченного правотворчества был нужен буржуазии, когда она завоевала власть в государстве и безмятежно пользовалась монополией власти государства, но суверенитет стал не нужен буржуазии, когда возникла опасность использования полновластия государства другим классом против капиталистической собственности. Народный суверенитет был нужен буржуазии, когда она имела возможность говорить от имени еще безмолвствовавшего народа. Но народный суверенитет стал не нужен и опасен, когда народ стал выходить из повиновения. Национальный суверенитет был нужен буржуазии, когда она боролась за создание национальных государств, но он стал не нужен ей, когда она, в лице монополистического капитала крупных империалистических государств, ломает границы национальных государств и попирает права национальностей. Принцип суверенитета теперь становится знаменем борьбы этих национальностей против империалистической экспансии.

В настоящее время отношение буржуазии к принципу суверенитета уже не решает его судьбы. Выросли и окрепли новые социальные силы, подлинные представители прогресса, для которых суверенитет не пустой звук и не непосильная ноша. Это означает дальнейшее развитие принципа суверенитета, дальнейшие изменения как в содержании, так и в формах суверенитета. В этой способности к развитию, к изменениям в форме и содержании и проявляется подлинная жизнеспособность принципа суверенитета.

Противники суверенитета нередко прикрывают свое стремление к ликвидации суверенитета красноречивыми Филиппинами против «абсолютного» суверенитета². Но абсолютного суверенитета никогда не было и не могло быть. Это – категория метафизического порядка или плод воображения. Границы суверенитета существовали всегда; они определялись экономическими условиями, развитием международного общения государств и морально-политическими требованиями исторической эпохи. Эти границы изменялись вместе с изменением всех этих факторов.

Еще задолго до войны некоторые ретивые ликвидаторы суверенитета (например, венец Кунц) упрекали советскую концепцию, отстаивающую «устаревший» «реакционный» принцип суверенитета, в консерватизме. Такое обвинение в «отсталости» раздается и ныне с различных сторон. Но этим нельзя нас запугать. «О, да, – говорил А. Я. Вышинский на II Генеральной Ассамблее, в ответ на выступление Спаака против „реакционной и вышедшей из моды“ идеи суверенитета, – государственный суверенитет – реакционная идея, ибо он мешает „прогрессивному“ движению империализма, шествующего по миру с широко раскрытой пастью и с протянутыми далеко вперед хищными лапами. . . эту идею хотят вывести из моды, так как сильные капиталистические страны больше в ней не нуждаются, эти страны нуждаются в обратном: в уничтожении как идеи суверенитета, так и самого суверенитета других государств»³.

Когда речь идет об охране прав и свободы народов, Советский Союз и советская наука не боятся показаться кое-кому «консервативными». На деле эта позиция ничего общего не имеет с консервированием старого, отживающего. Мы не рабы догмы и не фетишисты формы суверенитета. Мы раскрываем реальное, развивающееся, изменяющееся содержание принципа суверенитета, соответствующее новым условиям общественной жизни как в международном, так и в национальном масштабе, требованиям прогрессивного развития чело-

² Таковы, например, выступления Мак Нейли на II Генеральной Ассамблее 1947 г. – См. ответ проф. Коровина // Новое время. 1947. № 41.

³ Правда. 1947. 8 окт.

вечества. Но именно поэтому советская наука не может уподобиться тем, кто в погоне за мнимой «ультра-новизной» выплескивает из ванны ребенка вместе с водой. «Новаторство отнюдь не всегда совпадает с прогрессом» (Жданов).

Выступая в защиту суверенитета и независимости государств, советская концепция суверенитета и международного права не отвергает таких начал, как принцип большинства, применение которого неизбежно в международной организации; не отвергает развития международного правосудия и развития экономического сотрудничества между государствами, международного контроля над производством атомного оружия и т. п. Но она против того, чтобы эти моменты в международном развитии были использованы в политических целях, несовместимых с суверенитетом и независимостью миролюбивых народов – больших и малых. Речь идет об установлении таких политических и экономических отношений между народами, «когда их национальный суверенитет не страдает от чужестранного вмешательства»⁴ (Молотов).

Речь идет не о неограниченном произволе внутри государства и в международных отношениях, а о суверенитете, подчиненном принципу демократии как принципу внутригосударственной и международной политики.

В вопросе о суверенитете, как и в других вопросах, произошло размежевание между империалистическим, антидемократическим лагерем, с одной стороны, и антиимпериалистическим, демократическим лагерем – с другой.

Народы, ведшие непримиримую войну с гитлеровским «новым порядком» за утверждение своей государственной независимости, народы СССР, строящие коммунистическое общество в своей стране, народы, идущие по пути нового демократического развития и отстаивающие свое право самостоятельно устанавливать пути своего развития к социализму, трудящиеся массы западноевропейских стран, во главе с коммунистическими партиями отстаивающие национальный суверенитет против планов экономического и политического закабаления американским империализмом, угнетенные народы колоний, борющиеся за свою независимость и равноправие в семье государств, не могут не придерживаться другого, в корне отличного от империалистической концепции, взгляда по вопросу об актуальности или неактуальности идеи суверенитета.

Они видят в суверенитете действенное орудие борьбы за свободу. Борьба за национальный суверенитет является составной частью борьбы за демократию и международный мир. Эта борьба направлена не только против империалистической экспансии извне, но и против ее агентуры – внутренней реакции, прикрывающей свое национальное предательство разговорами об «устарелости» суверенитета. Уже опыт Второй мировой войны, так же как и опыт послевоенных лет, показал, что правящие классы ряда стран – в том числе и такой крупной державы, как Франция, – из страха перед собственными народными массами готовы продать суверенитет и независимость своих государств. Упразднение принципа суверенитета таким образом служит для одних прикрытием империалистической экспансии, а для других – прикрытием национального предательства.

Борьба за государственную независимость, за государственный суверенитет в современных условиях неразрывно связана с борьбой против «своих» двухсот семейств за подлинное народовластие, за народный суверенитет. Именно в этой борьбе народов и раскрываются положительный смысл и прогрессивное значение суверенитета на современном историческом этапе.

Принцип суверенитета воплощает морально-политические требования современной демократии. Эти требования реализованы в полном объеме в социалистическом государстве, в его внутренней и внешней политике, эти требования с необычайной силой сформулиро-

⁴ Правда. 191(?)7. 3 июля.

ваны в трудах и выступлениях товарища Сталина, в выступлениях на международных конференциях товарища Молотова, они последовательно отстаивались советской дипломатией на международной арене⁵. В них подчеркивается:

а) принцип государственного суверенитета, означающий полновластие и независимость государства;

б) принцип народного суверенитета, означающий верховенство народа в государстве как единственного законного и правомерного носителя верховной власти;

в) принцип национального суверенитета, включающий право наций на самоопределение, в частности право угнетенных народов колоний на полную и безоговорочную независимость;

г) совместимость суверенитета Союза с суверенитетом союзных республик как выражение братского сожительства наций в одном государстве на началах равноправия и добровольности;

д) совместимость суверенитета государств с международной организацией коллективной безопасности и ответственностью государства за агрессию как гарантия мирного сосуществования суверенных больших и малых государств на началах равенства и взаимного уважения прав и интересов. «Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть» (Сталин)⁶.

В настоящем исследовании мы ставим своей задачей дать систематическое изложение и обоснование этих положений советской концепции суверенитета.

Эта концепция складывается в непримиримой и беспощадной борьбе с буржуазными теориями, которые, как это показано в следующей главе, – на различных этапах исторического развития, вначале в форме утверждения суверенитета, а затем в форме его отрицания, – верно служили классовым задачам буржуазии как во внутренней, так и в международной политике⁷.

⁵ Обзор актов Советского государства, ярко выражающих советскую концепцию суверенитета, дал в цитированной выше работе проф. Е. Коровин.

⁶ Правда. 1948. 13 апр.

⁷ В данном ниже критическом обзоре буржуазных теорий наше внимание сосредоточено преимущественно на критике наиболее влиятельных в современном капиталистическом мире новейших зарубежных теорий (Кельзен, Ласки, Уиллоуби, Геллер и др.), а также тех «классических» учений, которые до сих пор служат теоретической основой буржуазной юриспруденции (Остин, Дэйси, Дюги, Ориу и др.).

Часть I. Сущность суверенитета

Глава 1. Возвышение и падение суверенитета в буржуазной науке права

1

Принцип суверенитета был сформулирован в XVI в. и сразу же признан основным принципом государственной науки. Однако тут же вопрос о суверенитете стал предметом нескончаемых споров.

Буржуазная наука начала с безусловного утверждения принципа суверенитета. Суверенитет был первоначально определен как сама верховная власть государства. «Суверенитет, – говорит Бодэн, – есть постоянная и абсолютная власть государства».

Бодэн определяет суверенитет как высшую и свободную от законов власть над гражданами и подданными («*summa in cives et subditos legibusque soluta potestas*»)⁸, которая не может быть ограничена ни вышестоящей властью, ни законами, ни временем, власть неотчуждаемая, неизменная и не подлежащая давности. Такая власть является необходимой основой и атрибутом любого государства. Постоянство – необходимый признак суверенитета. Временный правитель, даже если ему предоставлена неограниченная власть, не может рассматриваться как обладатель суверенитета, в лучшем случае – лишь как хранитель власти. Признаком суверенитета является также полная ответственность перед кем бы то ни было⁹.

Эта точка зрения на суверенитет как на власть государства и, следовательно, необходимый признак государства остается в течение длительного времени господствующей в буржуазной науке.

В русской дореволюционной юридической науке взгляд на суверенитет как на необходимый признак государства развивали Шершеневич¹⁰, Палиенко¹¹, Ивановский¹² и др.

Во Франции на этой же точке зрения стоит Эсмен. Дюги, один из наиболее ярких противников принципа суверенитета, выдвигает в качестве определения суверенитета, отвечающего французскому положительному праву, формулу: «Независимая власть повелевать»¹³. И для основателя аналитической школы в Англии суверенитет сводится к той же высшей власти в государстве. По Остину, наиболее характерным и существенным в государстве является отношение суверенитета и подданства, т. е. положение суверена как высшей власти, с одной стороны, и положение подданных – с другой¹⁴. Эти традиционные теории отражали условия буржуазного господства в унитарном государстве.

Иная точка зрения на суверенитет в буржуазной науке была выдвинута германской юридической школой Лабанда – Еллинека. Наличие несuverенных государств в лице государств Германской империи вынудило этих теоретиков прусской гегемонии отказаться от

⁸ *Vodinus*. De Republica libri sex. Francoforti, 1594. P. 123 et al.

⁹ *Vodinus*. De Republica libri sex. Francoforti, 1594. P. 126.

¹⁰ *Шершеневич*. Общая теория права. 1910. С. 217.

¹¹ *Палиенко*. Суверенитет. Ярославль, 1903.

¹² *Ивановский*. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 75.

¹³ *Дюги*. Конституционное право. М., 1908. С. 156.

¹⁴ *Austin*. Lectures on jurisprudence. 1914. Vol. I.

взгляда на суверенитет как на сущность государственной власти. Под суверенитетом они понимают лишь некоторое свойство или способность государственной власти. Так, по мнению Еллинека, «суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению»¹⁵. Смысл этой теории с циничной откровенностью раскрывает Трейчке, заявляя, что в Германии суверенной является лишь Пруссия, а другие «государства» несuverенны.

Большое место в спорах и разногласиях о суверенитете всегда занимал и вопрос о носителе суверенитета. Это вполне понятно, так как в этом вопросе с особой силой сталкиваются различные, часто исключаящие друг друга политические программы и концепции. Для Бодэна наиболее типичным носителем суверенитета, сувереном, обладающим характерными для суверенитета чертами – верховенством, постоянством, неограниченностью и абсолютностью – является абсолютный монарх: суверенитет, по Бодэну, как мы уже знаем, – это власть постоянная, а не предоставленная на срок, неограниченная и безусловная, а не предоставленная на определенных условиях и с ограничениями.

Но для Бодэна, как и для Гоббса, сувереном может быть любой высший орган государства – монарх, собрание представителей и даже народное собрание. Эти авторы, монархисты по своим симпатиям, вынуждены учитывать многообразие существующих политических форм. По Гоббсу, суверенной должна признаваться любая власть, фактически установившаяся и существующая в государстве. Хотя первоначальным источником суверенной власти является общественный договор, заключенный между членами общества, но поскольку передача власти состоялась без всяких условий и ограничений, общество, являющееся источником и причиной суверенитета, не может рассматриваться как носитель суверенитета. Волей общества надлежит считать волю существующей в обществе власти.

Блэкстон, отражая характерный для Англии компромисс буржуазии с дворянством в формах конституционной монархии XVIII в., рассматривает в качестве суверена английский парламент (т. е. короля, пэров и палату общин), которому приписывает неограниченную деспотическую власть. Факт избрания палаты общин несущественен, поскольку власть парламента является неограниченной и безусловной. Правда, при этом первый признак суверенитета – постоянство – реализован неполностью, в силу временного характера полномочий членов палаты общин. Но коррективом к этой срочности является право палаты (с согласия других частей парламента) устанавливать и продлевать сроки своих полномочий. Верховенство парламента, означающее прежде всего независимость от народа, становится догмой английского права, сформулированной Де-Лольмом в крылатой фразе о всемогуществе английского парламента: парламента все может – он не может лишь превратить мужчину в женщину и наоборот.

Руссо своим учением о народном суверенитете открывает новую главу в учении о суверенитете. Новизна учения Руссо заключалась не в самом принципе народного суверенитета. Если даже отвлечься от учения Марсилия Падуанского и других средневековых авторов, которые вообще не оперируют еще новым понятием о суверенитете, все же нельзя упускать из виду, что и Гоббс, и Спиноза знают принцип народного суверенитета как принцип суверенной верховной власти в демократии, которая определяется как «всеобщее собрание людей, сообща имеющих верховное право на все, что оно может»¹⁶.

Однако имеется существенное отличие между постановкой вопроса о народном суверенитете у Гоббса и Спинозы, с одной стороны, и у Руссо – с другой. Для Гоббса и Спинозы принцип суверенитета логически вытекает из естественного закона и в нем находит свое обоснование через общественный договор. Но вопрос о носителе суверенитета решается

¹⁵ Еллинек. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 352.

¹⁶ Спиноза. Богословско-политический трактат. М., 1935. С. 231–232.

ими не на основании естественного права, а на основании положительного права каждого государства, в зависимости от его формы правления: монархической, аристократической или демократической¹⁷. Особенно отчетливо такой взгляд выражен у Гречия в его учении о «специальном субъекте» суверенитета, каковым может быть одно или несколько лиц «в соответствии с обычаями и законами каждой нации»¹⁸. Руссо же распространяет действие естественного закона и на вопрос о носителе суверенитета. Общественный договор, по Руссо, имеет лишь один результат, а именно установление суверенитета народа. Законным сувереном в государстве может быть и является только народ – носитель «всеобщей воли». Суверенитет есть осуществление всеобщей воли и только ее¹⁹. Не только абсолютная монархия, но и верховенство парламента по английскому образцу это, по Руссо, – узурпация прав народного суверенитета. «Английский народ считает себя свободным; он горько ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они выбраны, он становится рабом, он – ничто. То применение, которое он делает из своей свободы в краткие моменты пользования ею, заслуживает того, чтобы он ее терял»²⁰. Положительное право регулирует лишь вопрос об «агентах» суверенной власти, т. е. об организации исполнительной власти, устанавливая либо монархическую, либо аристократическую форму. Что же касается демократической формы организации этой власти, то она была бы возможна лишь в обществе богов, ибо «такое совершенное правительство не годится для людей»²¹.

Различие между Гоббсом и Спинозой, с одной стороны, и Руссо – с другой, вытекает из различий в политической установке. Гоббс и в общем также Спиноза задаются целью объяснить существующее государство и обосновать его суверенные права. Поэтому они не ставят под вопрос исторически сложившиеся в тех или иных государствах формы, в частности и абсолютистские формы, которые в ту эпоху еще пользовались поддержкой буржуазии, нуждавшейся в сильной централизованной власти. Руссо же выступает с революционной программой, требующей приспособления строя и форм всех государств к принципу народного суверенитета, основанному на непререкаемом естественном праве.

Аристократической реакцией на учение о народном суверенитете было учение Гегеля о государственном суверенитете. Для Гегеля, идеолога прусской монархии, народный суверенитет, противопоставляемый суверенитету монарха, «принадлежит к разряду тех путанных мыслей, в основании которых лежит несчастное («wüste») представление о народе»²². Но интересы растущей прусской буржуазии, с которыми уже нельзя было не считаться, не мирятся с концепцией патримониального абсолютизма. Гегель не щадит стрел и против идеолога последнего – Галлера. Гегелевская монархия – это ангажированная прусская сословно-бюрократическая монархия. Государственный суверенитет как суверенитет целого, суверенитет единства, с объявлением монарха «личностью государства»²³, дает необходимую гибкую формулу господства юнкерской прусской монархии, опирающейся на сословия, в том числе и на буржуазию.

От Гегеля ведет прямая линия к германской юридической школе, которая, как известно, стоит всецело именно на позиции государственного суверенитета. Различие между Гегелем и юридической школой непосредственно связано с известным различием в философ-

¹⁷ Правда, Спиноза считает демократию наиболее «естественной формой» государства (Там же. С. 314), однако эта мысль не получает у него серьезного развития и не отражается на трактовке вопроса о формах правления в более позднем «Политическом трактате».

¹⁸ *Grotius*. De jure belli ac pacis. Lib. I. Cap. III, VIII.

¹⁹ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 21.

²⁰ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 82.

²¹ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. С. 58.

²² Гегель. Философия права. М.; Л., 1934. С. 305.

²³ Гегель. Философия права. М.; Л., 1934. С. 304.

ских предпосылках. Гегелевский идеалистический панлогизм сменился идеалистическим же позитивизмом. В этом находит свое выражение усиление буржуазного элемента в германской теории права во второй половине XIX в. Для Гегеля носителем суверенитета является мировой разум, воплощенный в государстве. Для юридической школы государство – это юридическое лицо, действующее через свои органы. Юридическая школа делает решительный шаг в направлении юридизации понятия суверенитета. Государственный суверенитет направлен как против демократической теории народного суверенитета, так и, хотя и с гораздо меньшей остротой, против учений о суверенитете самого монарха. Теоретики этой школы не отрицают суверенных прав монарха как носителя высшей власти в государстве, однако они считают такие права принадлежащими монарху как органу государства, а не в силу права собственности или личного права, как учат Геллер или Зейдель. Впрочем, это отнюдь не мешает им конструировать институт монархического «носителя верховной власти», обладающего властью в силу его собственного права. В целом теория заострена именно против «опасности» народного суверенитета.

Эта юридическая теория государственного суверенитета восторжествовала по существу и во Франции Третьей республики. Однако здесь она эклектически сочетается с традиционными представлениями и теориями национального суверенитета путем отождествления государства и нации, которые, по мнению Карре де Мальбера, представляют собой «два лица одной и той же личности». Для Эсмана государство – это «юридическое олицетворение нации».

Эсмен и Карре де Мальбер могут рассматриваться как представители той французской теории, которая, признавая принцип государственного суверенитета, отождествляла его с национальным суверенитетом, отрицая возможность – по крайней мере, с точки зрения французского положительного права – различения государства и нации как двух суверенных юридических лиц, ибо это означало бы разделение суверенитета. Карре де Мальбер противопоставлял эту французскую доктрину творениям Лабанда, Еллинека, Майера, для которых государство отлично от нации, даже взятой в аспекте единого субъекта²⁴.

Вместе с тем французская школа (в лице Карре де Мальбера) видит в концепции государства – юридического лица – выражение правового характера государства. «Государство не сможет употребить свою власть в отношении граждан иначе, как тем способом, каким используют право, т. е. в соответствии с действующим правопорядком».

Однако и французская доктрина не менее резко, чем германская, противопоставляет национальный суверенитет народному суверенитету. Народный суверенитет, по утверждению Карре де Мальбера, – это принцип неограниченной демократии, воплощенной в якобинской конституции 1793 г. Данный принцип означает, что верховная власть в государстве принадлежит всем гражданам, составляющим народ. Это предполагает: 1) всеобщее избирательное право, 2) народное голосование по конституционным вопросам, 3) всевластие народного представительства и т. п.

Этому революционному принципу народного суверенитета противопоставляется принцип национального суверенитета, воплощенного в монархической конституции 1791 г. и во всех французских конституциях XIX в. (кроме бурбонской хартии 1814 г.).

Карре де Мальбер видит сущность принципа национального суверенитета в том, что источником и носителем власти является нация как единое и неделимое целое, организованное в государстве. Этот принцип исключает принадлежность суверенитета какой-либо части нации или отдельным гражданам, т. е. исключает как монархию, так и демократию, основанную на принципе народного суверенитета. Суверенная власть осуществляется госу-

²⁴ *Carré de Malberg. Contributions a la théorie générale de l'état. Paris, 1920. T. I.*

дарственными органами, являющимися по конституции представителями нации, даже если они построены на антидемократических началах²⁵.

Так, Эсмен считает совместимыми с национальным суверенитетом лишение избирательных прав женщин, образовательный ценз, множественный вотум и т. п.

Национальный суверенитет, толкуемый таким образом, по существу совпадает с государственным суверенитетом в немецкой формулировке, с тем лишь формальным отличием, что государство рассматривается как юридическая организация или олицетворение «нации», превращенной в метафизическую личность, отличную от индивидов, ее составляющих.

Откровенный идеолог буржуазной реакции Ориу, не принимая в целом теории государства как юридического лица (по Ориу, государство выступает как юридическое лицо только во внешних сношениях), все же теснейшим образом связывает государственный и национальный суверенитет. Вся теория Ориу проникнута бешеной ненавистью к народу, страхом перед массами, отвращением к революционному прошлому Франции.

Ориу противопоставляет национальный суверенитет как суверенитет «нации» – «социальной группы в корпоративном смысле, вместе со всей своей социальной и политической организацией, следовательно, со всеми своими правящими классами и как со своим правительством, так и со своим народным классом», – власти народа как коллектива, «в котором смешаны все слои и классы и в котором нет порядка...», который представляет собой «возврат к орде, стаду, толпе, возврат к тому, что в социологии называют стадным состоянием». Нация – это «корпоративная и органическая концепция, включающая принцип порядка». Народ, или демос, представляет собой «антикорпоративную и неорганическую концепцию»²⁶.

Правда, Ориу допускает также возможность «народного суверенитета», но этот «суверенитет» выражается лишь в «праве присоединения» к велениям государственной власти, личных гарантиях и судебной власти, осуществляемой судьями от имени народа. Здесь из понятия народного суверенитета выхолащиваются последние остатки политической власти. Ориу противопоставляет, таким образом, понимаемый «народный суверенитет» как юридический суверенитет настоящему, политическому суверенитету, обнимающему законодательную, исполнительную и избирательную власть. Только политический суверенитет создает право. Юридический суверенитет в лучшем случае заключается в праве требовать, чтобы политический суверенитет соблюдал им же создаваемое право. Ясно, что здесь идет речь лишь о тени или фикции суверенитета.

Таким образом, французские теории периода Третьей республики вытравливают демократическое содержание принципа национального суверенитета, открыто ставя себя на службу буржуазного порядка²⁷. Стирается, по существу, грань между теорией национального суверенитета и старой теорией «доктринеров» Ройе-Коллара, Гизо, провозглашавших «суверенитет разума» и видевших воплощение этого «разума» в собственности как показателе «политической способности» граждан.

²⁵ *Carré de Malberg*. Contributions a la théorie générale de l'état. Paris, 1920. T. I. P. 12–13.

²⁶ *Ориу*. Основы публичного права. М., 1929. С. 588.

²⁷ Термин «национальный суверенитет» употребляется в двух различных смыслах: 1) суверенитет нации как политической общности. В этом смысле данный термин употребляется в цитированных положениях Эсмена, Ориу и др.; 2) суверенитет нации как исторически сложившейся, устойчивой общности экономики, языка, территории и психического склада, выражающейся в общности культуры. В данной работе этот термин в дальнейшем употребляется нами повсюду во втором смысле.

2

Начало новейшего этапа в истории буржуазной доктрины суверенитета относится ко времени окончания Первой мировой войны. Теперь это – буржуазная доктрина эпохи всеобщего кризиса капитализма. В ней выражены особенности новейшего развития монополистического капитализма, характеризующегося обострением всех противоречий империализма.

В обстановке обострения классовых противоречий буржуазная теория ставит своей целью обоснование незыблемости буржуазного государства, отражая при этом различия в методах буржуазного господства в различных странах.

Обострение междуимпериалистических противоречий и усиление империалистической экспансии находят прямое отражение в теориях суверенитета. Эти теории «обосновывают» новые методы империалистической экспансии и закабаления слабых народов. Если открытая агрессия ссылалась на извращаемый ею принцип суверенитета, ложно толкуемый как неограниченный произвол в международных отношениях (фашизм), то империалистическая экспансия, проводимая более утонченными методами так называемой «долларовой» дипломатии, ищет свое обоснование в теориях, отрицающих суверенитет или требующих его «пересмотра».

В качестве прикрытия при этом используют международную организацию. После Первой мировой войны такой организацией была Лига Наций. После Второй мировой войны делаются попытки приспособить к этой цели Организацию Объединенных Наций.

Характерной особенностью буржуазных правовых теорий последних десятилетий является их более тесная связь с различными буржуазными философскими школами и течениями.

«Классическая» юридическая школа в Германии складывалась в период, когда самая идея философии была в значительной степени дискредитирована в буржуазной идеологии, когда преобладал взгляд, что развитие отдельных наук, как естественных, так и общественных, по существу не оставляет места для философии как особой и самостоятельной, а тем более ведущей науки.

Картина начинает меняться уже с конца XIX в., когда вновь усилившиеся в условиях новой стадии капитализма философские идеалистические течения начинают оказывать значительное влияние на отдельные отрасли науки в буржуазных странах и, в частности, на буржуазную юридическую науку. Буржуазная юриспруденция бросается в объятия мистики и метафизики. Расхождения между отдельными направлениями в ней непосредственно отражают расхождения между отдельными философскими оттенками, школами и школками, свидетельствующие о растущем разброде в буржуазном идеологическом лагере. В Германии неокантианство вдохновляет Штамлера и «чистую теорию права» Кельзена, находящегося также под влиянием фрейдизма. Впоследствии в кельзенской школе все с большей силой пробивается гуссерлианство (Шрейер), которое представлено также и рядом других теоретиков-юристов, сторонников феноменологии (Рейнах). Особенно сильное влияние оказывает гуссерлианство на так называемую теорию социального права Гурвича, которая становится наряду с кельзенизмом одним из наиболее влиятельных течений буржуазной науки права в тридцатых годах. Если неокантианские школы права занимают «левый» фланг буржуазной науки, а гуссерлианцы – центр, то правый фланг все более тесно смыкается с неогегелианством (Биндер, Ларенц), которое стало господствующей доктриной права в «Третьей империи».

Во Франции сильное влияние на буржуазных правоведов оказывает интуитивизм Бергсона и неотомизм, в Англии и США – логистическая школа Росселя, различные направления прагматизма, этого типичного продукта американизма в философии.

Так, американец Г. Когэн, излагая теорию лейбористского идеолога Ласки, отмечает не только влияние социолога Баркера и юристов Дьюи, Краббе, но и философа Вильяма Джемса (отца прагматизма) и «инструменталиста» Дьюи, психолога Мак-Доугола²⁸. К этой «окрошке» надо прибавить еще Росселя. Несомненна связь социального плюрализма Ласки с социально-политическими упражнениями Росселя (ныне докатившегося до проповеди атомной войны против СССР) о децентрализации власти, передаче государственных функций добровольным организациям, с превращением государства в «арбитражный суд». Хотя некоторые авторы и пытаются отрицать прямую связь между общефилософской концепцией Росселя («логическим атомизмом», «нейтральным монизмом», т. е. некоей разновидностью махизма) с его социально-политическими взглядами, сам Россель признал наличие, если не логической, то во всяком случае «психологической» связи²⁹.

Влияние новейших философских школ лишь ускорило разложение старой «классической» юридической школы, происходившее в основном под воздействием обострения социально-политических противоречий в капиталистическом мире. Эта школа соответствовала периоду относительно устойчивого соглашения между германско-прусской монархией, с одной стороны, и крупной национально-либеральной буржуазией – с другой. Как учение о государственном суверенитете и правовом государстве отражало этот компромисс? Государственный суверенитет был противопоставлен народному суверенитету, но в то же время суверенное государство понималось как правовое государство, государство, связанное правом. Не только оба момента вместе, но и каждый в отдельности носили на себе печать того же классового компромисса. Государственный суверенитет превращал монарха из собственника власти в орган государства. С другой стороны, связанность суверенного государства правом имела характер самосвязывания, самоограничения государства.

Крушение кайзеровской Германии, установление Веймарской республики и развернувшаяся в ее лоне политическая борьба, в первую очередь обострение классовых противоречий, новое международное положение побежденной Германии – все это поколебало основы «классической» юридической доктрины. Этому же способствовали новые философские веяния: умам, изощрявшимся в Марбурге, Орденбурге и Геттингене, позитивизм юридической школы казался наивным, примитивным.

Разложение юридической школы теоретически выразилось в том, что категории: суверенитет, государство, право, которые юридическая школа пыталась примирить в идее суверенитета правового государства, приходят в резкое столкновение друг с другом, а самое представление о суверенитете правового государства объявляется внутренне противоречивым. На этой основе происходит известное размежевание теорий, отражающее расхождение в вопросе о методах буржуазной диктатуры. Одни, выдвигая на первый план момент права, провозглашают суверенитет права, превращая государство в орган права или даже сводя само государство к понятию права или правопорядка, изгоняя из него момент реальной силы («Macht»). Таковы теории нормативистов: Краббе, Зомло, такова «чистая теория права» Кельзена, мечтающая о том, чтобы построить государство без государства, подобно тому как строится психология без души (разумеется, совершенно ложная аналогия). Здесь доведена до логического конца та юридизация государства, которая была начата «классической» юридической школой. В результате испаряется само государство, а вместе с ним и суверенитет.

Другие направления, выдвигая на первый план государство, утверждают суверенитет государства, открыто отказываясь вместе с тем от старого идеала правового государства, делая ударение не столько на правовом, сколько на неправовом и даже противопра-

²⁸ Cohen H. E. Recent theories on sovereignty. 1937. P. 126.

²⁹ См. статью Росселя в американском сборнике «The Philosophy of B. Russel».

вовом характере суверенности государства, на возможности для суверенного государства утверждать себя и против права. Такова теория Геллера, еще прикрывающая себя фиговым листочком «народного верховенства», такова открытая фашистская «теория» Карла Шмитта, ставшего главным государствоведом «Третьей империи». Эта теория довела до логического конца свойственный и классической юридической школе апофеоз силы («Macht») государства, в результате чего испарилось право.

Характерной чертой буржуазных теорий последних десятилетий является усиление течений, отрицающих принцип суверенитета. Мы видели, что к этому приходят нормативисты, представляющие одно из главных течений буржуазной юриспруденции. Но к этому же приходят и представители второго главного течения буржуазной юриспруденции (нефашистского толка), по видимости, как бы стоящие на противоположной методологической позиции, а именно социологи (Дюги, Ласки и др.). Если нормативисты отвлекаются от фактического, реального момента в суверенитете, то социологи игнорируют его юридическую сторону. В обоих случаях результат один – суверенитет исчезает, как и его носитель – государство как организация власти. Нормативисты растворяют государство в системе абстрактных, безличных норм, а социологи – в системе общественных сил. Таким образом, нормативисты и социологи приходят к одному и тому же выводу, хотя и различными путями. Это различие путей объясняется тем, что нормативизм и социологизм представляют собой различные формы проявления реакции буржуазной юридической мысли на марксизм, на его растущую и необоримую силу. Нормативизм пытается спастись от марксизма полным изгнанием всего социального из права, решительным противопоставлением сущего и должного. «Социологи» опасаются, что такого рода откровенный отрыв от социальной действительности может дискредитировать буржуазную науку. Отсюда их стремление подделаться под марксизм, вернее, противопоставить ему свое социологическое «объяснение» права и государства, в котором всячески затушевывается классовый характер государства.

Отрицание суверенитета «обосновывается» в буржуазной науке различными способами. Наиболее распространенными из них являются следующие: 1) теория правового государства; 2) юридический монизм; 3) социальный плюрализм.

Еще полвека назад Прейс противопоставлял суверенитету, как понятию «римскому» и абсолютистскому, «германское» самоуправление и правовое государство. С точки зрения Прейса, суверенитет как понятие, несовместимое ни с международным, ни с государственным правом, т. е. вообще с каким бы то ни было правовым регулированием государственной власти, должен быть отброшен как понятие, отражающее отношения давно минувшей эпохи абсолютизма.

Эта весьма поверхностная концепция в дальнейшем сочетается у Кельзена и венской школы вообще с юридическим монизмом, а у Дюги и Ласки – с социальным плюрализмом.

Ласки продолжает по существу тенденции Прейса и Дюги, переводя их из плоскости права в плоскость откровенно политическую. Что касается венской школы, то она в лице Фердросса, оставаясь в юридической плоскости, в своем отрицании суверенитета под видом сведения его к внутренней компетенции государства подчеркивает принцип юридического монизма и примата международного права над правом национальным.

Юридический монизм утверждает несовместимость международного права и суверенного государственного правопорядка. Отсюда логически возможны либо отрицание международного права в пользу суверенитета, т. е. доктрина абсолютного, неограниченного суверенитета, представленная Гегелем, Остином, Цорном, Лассоном, в дореволюционной России – Шершеневичем, либо отрицание суверенитета в пользу международного права. Именно к этому и склоняются юридические монисты. Представителями данной доктрины являются Кельзен Фердросс, Ссель и другие современные юристы, занимающие весьма влиятельное положение в современной буржуазной юриспруденции. Первое направление

отражает метод неприкрытого международного разбоя и экспансии; второе – метод империалистической экспансии, прикрываемый лозунгами «равных возможностей», «открытых дверей», «западных блоков», «Соединенных Штатов Европы» и т. п.

Еще до Первой мировой войны Яценко, отмечая противоречие между интересами монополистического капитала и государственным суверенитетом, прямо указывал на то, что «социальная задача международного права – поддержать интересы всемирного капитала против исключительности отдельных государств.³⁰ Таким образом, отрицание суверенитета связывалось с концепцией «ультраимпериализма», которая была вскоре подвергнута уничтожающей критике Лениным³¹.

Носителями этой тенденции в период 1918–1939 гг. являются не только прямые идеологи Антанты, как Политис, но и те представители австро-германских кругов, которые в тесном сближении с западными державами-победительницами и в утверждении примата международного права над национальным видели путь к восстановлению международных позиций стран побежденной коалиции.

Отсюда и планы «пан-Европы», «Европейской федерации», «Соединенных Штатов Европы» и так далее с их плохо прикрытой антисоветской направленностью.

Со времени Второй мировой войны проблема международной организации приобрела несравненно более сложный характер.

Образование Организации Объединенных Наций в целях предотвращения и подавления агрессии, предоставление ей права создания международных вооруженных сил – все это знаменует серьезный сдвиг в международном праве, выдвигая с неизбежностью новые моменты в вопросе о суверенитете. Вместе с тем с большой силой проявляется в империалистических кругах, в частности в США, стремление использовать международную организацию для целей, ничего общего не имеющих с ее подлинными задачами, и, в частности, для установления мировой гегемонии США, и для этих же целей весьма расширительно толковать ее компетенцию под флагом ревизии принципа суверенитета. Такой же характер имеют столь усиленно выдвигающиеся с различных сторон в период войны и в послевоенный период планы восточноевропейских, или центрально-европейских, или западно-европейских федераций или конфедераций, западных блоков, «объединенной» Европы и тому подобных комбинаций, предполагающих отказ государств от их суверенитета в пользу небольшой клики держав-гегемонов.

«Научным» выражением всех этих тенденций как в довоенный, так и в послевоенный период служат теории отрицания суверенитета под флагом юридического монизма, социального плюрализма и т. п.

«Одним из направлений идеологической „кампании“, сопутствующей планам порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей „всемирного правительства“. Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушающего суверенные права народов, выставить США в роли поборника общечеловеческих законов, а тех, кто сопротивляется американскому проникновению, представить сторонниками отжившего „эгоистического“ национализма. Подхваченная буржуазными интеллигентами из числа фантазеров и пацифистов идея „всемирного правительства“ используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма, но и как лозунг, специально противопоставлен-

³⁰ Яценко. Теория федерализма. Юрьев, 1912. С. 808.

³¹ Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XIX. С. 146–151; 166–170.

ный Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых»³².

Однако, несмотря на все попытки изгнать из права и политики принцип суверенитета, этот принцип обнаружил свою устойчивость и жизнеспособность в новых условиях.

3

Для того чтобы разобраться в новейших эпигонских буржуазных теориях суверенитета, необходимо вновь вернуться к основным направлениям буржуазной науки XIX – начала XX в. в данном вопросе.

Старая немецкая юридическая школа выдвинула ряд общих положений по вопросу о суверенитете (социально-политический смысл которых был вскрыт выше), оказавших значительное влияние на всю дальнейшую трактовку этой проблемы в буржуазной науке.

К этим положениям относятся: а) формально-юридическое понимание суверенитета, б) суверенитет как *свойство* государственной власти, а не как сама государственная власть, в) тезис о том, что собственно носителем суверенитета является не какой-либо орган и не народ, а само государство как личность.

По вопросу об определении самого суверенитета как свойства государственной власти юридическая школа не пришла к единой точке зрения. Представителями этой школы были даны различные определения суверенитета³³.

Идеи немецко-юридической школы, как мы уже видели, с известными вариациями нашли распространение и в других буржуазных странах. В Англии, в частности, они влились в тот поток политико-юридических теорий, источником которого было учение Остина и который носил название «аналитической школы».

Суверенитет является кардинальным понятием в учении Остина. Суверен – это высшая власть в независимом политическом обществе, от которой исходит все положительное право в государстве. «Высшая власть, ограниченная положительным правом, это явное противоречие в терминах». Но Остину еще чуждо понятие государственного суверенитета. Носителем суверенитета является орган государства, в Англии – парламент, точнее, король в парламенте. Здесь Остин по существу лишь повторяет Блэкстона. Поэтому Остин считает, что «действительно независимым является не общество, а лишь суверенная часть этого общества», т. е. лица, обладающие в нем высшей властью. Таким образом, суверенитет парламента у Остина открыто выступает против народа, который целиком относится к «несуверенной части общества». Однако Остин, выражая рост удельного политического веса буржуазии, вынужден признать, что суверенитет одной части парламента, а именно палаты общин, есть суверенитет, доверенный ей избирательным корпусом, т. е. самими общинами, буржуазно-помещичьей верхушкой, которая в то время составляла избирательный корпус.

Общины представляют собой составную часть суверенного или верховного органа, осуществляя свои суверенные права непосредственно при избрании палаты общин и через представителей во всех других делах³⁴. Остин допускает, что представительство может иметь двоякий характер: речь идет либо о делегировании полномочий представителям на началах доверенности, либо об абсолютном и безусловном делегировании; в последнем случае представительный орган в течение срока своих полномочий полностью занимает место избирательного корпуса и обладает суверенитетом. В первом случае могут действовать либо

³² Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. Госполитиздат, 1948. С. 34.

³³ Обзор различных определений суверенитета см. в работе *Палиенко*. Суверенитет. Ярославль, 1903.

³⁴ *Austin*. Op. cit. Vol. I. P. 245.

юридические, либо моральные санкции. Юридические санкции предполагают, что избирательный корпус наделен непосредственно законодательной властью и суды могут признать недействительным акт представителей, противоречащий акту высшей легислатуры – избирательного корпуса. По мнению Остина, в Англии отношения между делегирующим корпусом и представительным корпусом или между общинами и палатой общин – это отношения доверенности, подкрепленные, однако, одной лишь моральной санкцией. В этом смысле палата общин обладает суверенитетом: «Король, лорды и члены палаты общин образуют тройственный („tripartite“) орган, являющийся сувереном или верховным органом». Правда, «говоря более точно, члены палаты общин являются лишь доверенными того корпуса, которым они избираются и назначаются, и, следовательно, суверенитет всегда пребывает в короле, пэрах и избирательном корпусе общин». Однако поскольку палата общин подлежит лишь моральной санкции, то из доктрины Остина вытекает именно ее юридический суверенитет. Так шатается Остин между блэкстоновской традицией и новыми запросами буржуазии.

Концепция Остина послужила основанием для теории политического и юридического суверенитета, развитой либеральным представителем аналитической школы конца XIX – начала XX в. Дайси. Согласно Дайси, юридическим сувереном является парламент (в Англии); избирательный корпус является политическим сувереном. Избирательный корпус не может, по Дайси, рассматриваться как юридический суверен, ибо суды не признают волю избирателей как норму положительного права. «Судьи не знают воли народа, кроме той, которая выражается парламентскими актами...»³⁵. Дайси упрекает Остина в смешении понятий юридического и политического суверенитета. Введение понятия политического суверенитета было уступкой принципу «национального суверенитета», но уступкой весьма иллюзорной, поскольку акты политического суверенитета были тут же объявлены не имеющими юридического значения. Такое значение признано лишь за актами короля в парламенте.

Принцип политического суверенитета избирательного корпуса используется нередко в целях торможения всякого прогрессивного законодательства. Одним из выражений этого, в частности, является принцип мандата, согласно которому в важнейших политических вопросах парламент может поддерживать лишь те мероприятия кабинета, а кабинет может предлагать лишь те мероприятия, на проведение которых имеется прямой «мандат» избирательного корпуса. Так, консервативная оппозиция объявляет те или иные неудобные ей мероприятия, например робкие попытки лейбористов ограничить права палаты лордов, не основанными на мандате избирателей, требуя либо отказа от них, либо проведения новых выборов.

Шаг в сторону сближения английской аналитической школы с немецкой был сделан Брауном, издателем и комментатором Остина³⁶.

Развернутую юридическую концепцию государственного суверенитета на англо-саксонской почве под прямым влиянием немецких теорий дает американец Уиллоуби.

Теория Уиллоуби служит ярким выражением антидемократизма и реакционности современной науки государственного права США, отказывающейся от старых джефферсоновских традиций и концепций народного суверенитета.

По теории Уиллоуби, государство может рассматриваться с различных точек зрения, однако «аналитическая политическая философия» рассматривает государство как орудие («instrumentary») создания и реализации права. С этой точки зрения политически организованная группа индивидов должна рассматриваться как образующая единство, представляющее собой личность в юридическом смысле слова, т. е. как существующий в представлении носитель юридических прав и обязанностей. Это представление о юридической

³⁵ Дайси. Основы государственного права Англии. М., 1907. С. 87.

³⁶ Mattern. Concepts of state, sovereignty and international law. 1928. P. 52–54.

личности государства и ведет к суверенитету как заложенной в данной личности высшей воле, являющейся источником правомерности любого агента или любого лица, подвластного государству. Суверенитет – это верховная юридически легитимирующая воля («supreme legally legitimizing will») государства. В содержание этого понятия входит правовая компетенция или юрисдикция, которая должна рассматриваться как неограниченная. Суверенитет есть правовое всемогущество («legal omnipotence») государства. Суверенитет предполагает абсолютную компетенцию государства. Само государство устанавливает границы правового регулирования; и, в частности, сфера гражданских и политических свобод личности есть лишь та сфера интересов, которую государство желает видеть защищенной от нарушений со стороны частных лиц или должностных лиц государства³⁷. Так, в теории Уиллоуби, под напором неприглядной американской действительности и влиянием немецких идеологов прусско-юнкерской полуабсолютистской монархии, испаряются «традиционные» идеи англо-саксонского «индивидуализма». Отсюда уже недалеко и до теории субъективных прав как рефлексов права.

Если Уиллоуби по существу повторяет немецкие теории прошлого столетия, то сама немецкая юридическая школа вступила в лице «венской школы» Кельзена в новый этап своего развития, вернее, своего разложения.

Нет надобности следовать за никчемными юридико-логическими вывертами кельзеновской теории. Эта насквозь идеалистическая теория в вопросе суверенитета остается верной своим общим посылакам³⁸. Из отождествления государства и правопорядка вытекает, что суверенитет государства есть лишь свойство правопорядка, а именно, свойство невыводимости («Nichtableitbarkeit») из какого-либо другого правопорядка. При этом Кельзен понимает самую выводимость формально. Здесь речь идет не о выводимости содержания одних норм из других (например, частных норм из соответствующих общих), но о чисто формальной выводимости значимости норм права или всего правопорядка из другой нормы или высшего правопорядка, отнюдь не определяющей самого содержания «выводимой» нормы низшего правопорядка. По Кельзену, выводима лишь значимость нормы, в то время как содержание ее может свободно определяться соответствующими органами. Таким образом, выводимость – это связанность определенным порядком создания норм права, установленным другим, «высшим» правопорядком, – даже если этот «высший» правопорядок ни в какой мере не предрешает содержания этих норм. Выводимость одного правопорядка из другого Кельзен рассматривает как делегирование последним известными полномочий первому.

Теория Кельзена примыкает к учению о суверенитете права, верховенстве безличных норм права. Представителями этих учений можно считать Кокошкина³⁹, Елистратова⁴⁰ (в его дореволюционных работах), Краббе⁴¹. Эта теория «отвлекается» от того обстоятельства, что правовые нормы являются нормами права именно потому, что они установлены или санкционированы личностями, представляющими господствующий класс в государстве.

И согласно Кельзену, господствующей может считаться только норма, ибо власть любого правителя имеет силу лишь на основании вышестоящей нормы, а потому должна рассматриваться лишь как заполнение некоей бланкетной нормы. Если данная норма не может быть выведена из какой-либо, выше ее стоящей, если источник ее значимости зало-

³⁷ *Willooohby*. The fundamental concepts of public law. 1924. P. 82.

³⁸ Учение Кельзена о суверенитете систематически изложено в работе «Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerechts». Цит. по 2-му изд. 1928 г.

³⁹ *Кокошкин*. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 204.

⁴⁰ *Елистратов*. Очерки государственного права. М., 1915. С. 6.

⁴¹ *Krabbe*. Die Lehre der Rechtssouveränität. S. 47.

жен в ней самой, – то она принадлежит к наивысшему, а следовательно, суверенному правопорядку.

При таком формальном и абстрактном понимании государства и права, игнорирующем реальный характер как самого государства, так и общения государств, маскирующем юридическими фикциями классовый характер государства, нет ничего удивительного в том, что Кельзен в конце концов приходит к рассмотрению отношений между международным правом и государством как отношений делегирования, т. е. «выводимости». С точки зрения Кельзена, международно-правовой принцип эффективности как признак суверенности государств есть не что иное, как делегирование международным правопорядком известных полномочий государственному правопорядку, что по существу означает уже отрицание суверенитета в пользу международного права и превращение самого государства в «частичный правопорядок».

После известных колебаний, нашедших свое выражение в монографии о суверенитете 1920 г., Кельзен твердо встал именно на эту точку зрения отрицания государственного суверенитета.

Теория венской школы в этом вопросе находит поддержку и в теории «социального права» Гурвича, и в теории французского международника Сселя, представителя «интегрального юридического монизма». Ссель считает, что самая идея суверенитета несовместима с идеей правовой межсоциальной системы. Международное право не может гарантировать неприкосновенность сферы внутренней компетенции государств⁴².

Таков путь Кельзена и его последователей из лагеря юридического монизма к отрицанию суверенитета. Это путь крайнего формализма и нормативизма, игнорирования, вернее, затушевывания и искажения реальных отношений в области государства и права (подробный критический разбор теорий Кельзена, как и ряда других буржуазных теорий, дан в следующих главах настоящей части).

Словесным противником Кельзена и одним из влиятельных государствоведов Веймарской республики был Герман Геллер, посвятивший проблеме суверенитета специальную монографию⁴³. Герман Геллер принадлежит к идеологам крайне правых и националистических элементов германской социал-демократии, открыто выдвинувшим лозунг «назад к Лассалю»⁴⁴. Естественно, что это выражалось прежде всего в концепции государства. Геллер доходит до утверждения, что учение Маркса и Энгельса об отмирании государства было вызвано необходимостью для них «конкурировать» с мелкобуржуазными анархистами. Маркс и Энгельс не хотели-де отстать от Бакунина и Прудона. Это – отвратительная попытка оправдать свое собственное нежелание отстать от буржуазных идеологов государства, свой переход на позицию лассальянства, ведущего, в свою очередь, к Гегелю, к которому можно возвести ряд моментов геллеровской концепции суверенитета.

В этой концепции Геллер выступает как бы противником учения Кельзена, которого он обвиняет в «денатурировании» государства. Впрочем, в этом, по мнению Геллера, Кельзен является лишь продолжателем Лабанда – Еллинека, превративших государство в юридическое лицо, т. е. фикцию или в лучшем случае в абстракцию. Геллер противопоставляет этим концепциям взгляд на государство как на реальную силу, как на решающую инстанцию в социальной жизни. Геллер даже подчеркивает, что научная юриспруденция невозможна «без постоянного учета социологически-эмпирических факторов». Однако эти факторы он понимает по-своему, как и подобает идеологу реформизма, решительно отказываясь признать в государстве орудие классового господства. Извращая действительность, он видит в госу-

⁴² Scelle. *Precis du droit des gens*. Т. II. P. 6.

⁴³ Heller H. *Die Souveränität*. Berlin; Leipzig, 1927.

⁴⁴ Heller H. *Sozialismus und Nation*. Berlin, 1925.

дарстве орудие межклассового «примирения», которое выражается-де в том, что даже рабочие, выступающие против тех или иных государственных законов, ссылаются при случае на рабочее законодательство того же самого государства, тем самым якобы декларируя свое признание государства. В точно таком же положении находится, по его мнению, и предприниматель, который, «скрепя сердце», мирится с неприемлемой для него формой правления или социальным законодательством, поскольку государство гарантирует ему неприкосновенность частной собственности. Таким образом, государство якобы в равной мере является государством как предпринимателей, так и рабочих. Социальная функция государства, являющаяся ключом к постижению суверенитета, заключается в обеспечении «совместного функционирования всех общественных актов на данной территории». В основе государства лежит «всеобщая воля» – воля народа как воля межклассовая и надклассовая, направленная якобы на интересы, общие всем классам, составляющим народ. «Народ» в этом смысле является носителем суверенитета, гарантом единства правопорядка на данной территории. Таким образом, суверенитет государства, по Геллеру, возможен лишь как «народный суверенитет», осуществляемый на основе принципа большинства и принципа представительства. Кокетничая с принципом народного суверенитета, Геллер обвиняет представителей классической юридической доктрины в том, что их «государственный суверенитет» на деле сводился к суверенитету органов и, в частности, к монархическому суверенитету, поскольку государство не могло мыслиться вне органов иначе, как бесплотная абстракция. Но ясно, что Геллер лишь заменяет одну искусственную абстракцию такой же бесплотной абстракцией или, вернее, фикцией, ибо фикцией являются «всеобщая воля» и общий интерес «единого» народа, в действительности разделенного на классы с непримиримыми антагонистическими интересами. Эта фикция прикрывает вполне реальный классовый интерес буржуазии.

Геллер критикует Кельзена с позиций «реализма» в праве. Он ставит Кельзену в упор вопрос: кто же делает право позитивным – живая историческая индивидуальная воля или «основная норма»? Всякое право, всякая норма, в том числе и основная, нуждается в той воле, которая его полагает («setzt») и проводит («durchsetzt»). Такой волей и является суверенная воля в государстве, которая создает право и поэтому стоит над правом, при случае ломает старое право, создавая новое право. Государство обладает суверенитетом в силу того, что оно является носителем решающей воли на данной территории. В понятие решающей воли или решающего волевого единства входят в качестве его признаков универсальность и действенность. Первый признак означает возможность для государства выносить окончательное решение по любому вопросу общественной жизни на данной территории. Государство может, правда, отказаться от своего права вмешательства в те или иные сферы общественной жизни, но потенциальная возможность такого решающего вмешательства всегда присуща государству. Действенность означает фактическую возможность проведения своих решений. Наличие этих признаков, исключающих подчинение какой-либо другой воле, конституирует суверенитет государства. Суверенным мы называем то решающее единство, которое не подчинено никакому другому универсальному, действенному, решающему единству. Во всех этих рассуждениях Геллера совершенно игнорируется, маскируется классовое содержание суверенитета.

Суверенитет является условием всякого положительного права, ибо нужна именно суверенная власть для того, чтобы обязывать всех членов общества правом. «Мы видим сущность суверенитета в способности полагать («positivieren») высшие обязывающие общества правовые положения»⁴⁵. Суверенная власть стоит над всякими правовыми положениями, она связана лишь «этическими конституирующими правопринципами», или правовыми «основоположениями», представляющими собой в концепции Геллера естественное

⁴⁵ См. указанные ранее сочинения Геллера.

право в новом издании. Находясь над правом, суверенная власть тем самым может ломать всякое право, может утверждать себя против всякого права. По-прежнему отвлекаясь от классового содержания, Геллер всячески подчеркивает надправовой характер суверенитета как существенный его признак. Здесь наиболее резко проявляется разрыв Геллера с либеральной концепцией правового государства. И недаром социал-демократ Геллер открыто признает себя обязанным «образцовым» работам Карла Шмитта, вдохновителя фашистской доктрины.

Эти же тенденции Геллера с полной силой проявляются и в его трактовке вопроса о соотношении суверенитета с международным правом. Геллер, правда, обещает совместить суверенитет с международным правом, однако это оказывается ему не под силу, и в конце концов международное право улетучивается перед лицом грозной действительности «решающего единства суверенитета государственной власти», которая может утверждать свой суверенитет не только против национального права, но и против международного права. По Геллеру, нормы международного права – не только договорного, но и обычного – покоятся на их открытом или молчаливом признании со стороны государства. Международно-правовые обычаи делаются обязательными только в результате их практикования («*Ubung*») суверенными государствами. Таким образом, эти нормы не могут считаться обязательными для государств, отказывающихся их признавать и практиковать. Что касается договорного международного права, то за государством остается право отказаться от заключенного им договора, и в этом праве опять-таки с наибольшей рельефностью выступает суверенитет государства. Это, в частности, относится к борьбе государства за свое существование. В данном случае государство может не признавать действительности каких-либо международно-правовых норм, подвергающих угрозе его существование. Более того, любое суверенное государство вправе освободиться от любых своих договорных обязательств по отношению к другому государству путем... завоевания последнего. Международное право, по утверждению Геллера, не может регулировать ни возникновения, ни гибели государства. Международная организация совместима с суверенитетом лишь в том случае, если она основана на принципе единогласия всех членов и добровольности. И Геллер остается вполне последовательным, когда он заявляет: «Не существует единого международного правового порядка и даже общего международного права в смысле права одинакового, подчиняющего себе все существующие государства. То, что именуется международным правом, представляет собой собрание некоторого числа отдельных более или менее общих правовых положений и еще большего числа правовых основоположений» (которые, как мы знаем, Геллер не относит к положительному праву). Таким образом, фактически международное право исчезает, либо превращается во «внешнее государственное право». В любом рассуждении Геллера сквозит мотив германского империализма, заранее оправдывающего агрессию и насильственную ревизию Версаля.

6

Если Геллер в теоретической области выступает как противник Кельзена, то дальнейшее развитие его школы (в частности, в лице эмигрировавшего в США Нимейера) ведет к значительному сближению со школой Кельзена.

Нимейер разделяет с Геллером отрицание понятия личности государства, даже как фикции или абстракции, и признание роли государства как организующего центра общественной активности на определенной территории. Однако Нимейер отказывается «от реализма» Геллера и переходит на позиции «актуализма» и «функционализма», навеянные ультрасовременными, буржуазными, идеалистическими, философскими (например, теорией Кассирера) и физическими концепциями, сводящимися к растворению субстанциальности,

материальности вещей в функциях, отношениях, действиях и т. п. Нимейер ссылается на физику Эйнштейна, физиологию Клода Бернара, биологическое учение Кэрролла – вплоть до новейших архитектурных теорий, как на «доказательства» того, что понятия субстанции, реальности, материи «устарели» и должны быть заменены понятием «функции», «отношения», «актуальности». Для теории права Нимейер делает тот вывод, что право не имеет дела с реальными индивидами, будь то физические или юридические лица, а только с «трансперсональной взаимосвязанностью» или отношениями, возникающими в процессе реализации тех или иных функций. Личности для права не существуют вне этих отношений и связей. Это относится и к государству. Государство – лишь координирующий центр общественной активности на определенной территории. Суверенитет – это лишь «правовое формулирование той идеи, что общая синхронизация социальной жизни требует унифицированной схемы планирования с помощью организации, которая потенциально может охватить все стороны культуры и которая поэтому предполагает организующий орган («агенсу»), потенциально превосходящий по мощи все другие силы в данной социальной сфере». Сей длинной речи короткий смысл заключается в том, что суверенитет в классовом государстве якобы лишь обеспечивает осуществление тех функций, в которых заинтересовано все общество. При этом государственной власти приписывается не свойственная буржуазному государству планирующая и организационная деятельность, а функция прямого подавления и военная функция исчезли неизвестно куда. Международные связи возникают в силу того, что определенные социальные функции выходят за рамки отдельных государств и осуществляются координированными силами государства. Международное право – это законы межгосударственной функциональной координации. «Государство функционирует как организация единства социальной координации. Эта организация действует то обособленно, то в координированности» (с другими организациями).

Нимейер мыслит право не как норму, не как требование, опирающееся на принуждение, а как «порядок, присущий действительному координированному поведению индивидов». Естественно, что и международное право действует не как регулирующая сила, а как имманентный закон координированных действий государств при выполнении ими своих функций. По существу – в масштабе отдельного государства – это же относится и к внутреннему праву государства. Основной элемент государства – власть – растворяется в «функции». Суверенитет теряет свой властный характер, превращаясь в организацию функций. Отправляясь из внешне противоположных Кельзену позиций, а именно из позиций крайнего антинормативизма, Нимейер приходит по существу к тому же построению отношений между международным правом и правом национальным, при котором принцип суверенитета улетучивается.

Книга Нимейера озаглавлена «Право без силы». Как мы видели, Нимейер вытравляет из понятий права и суверенитета властно-нормативный момент. Нимейеровская «критика» нормативизма столь же порочна, как и самый нормативизм. Отрицая различие между законом – нормой и каузальным законом, Нимейер приводит к абсурду еллинековское учение о нормативной силе фактического. Его «теория» открывает путь для легализации любого фактического положения, в частности положения, созданного путем применения голого насилия. Если право не опирается на силу, то и сила не опирается на право.

Эта убогая эклектика – показатель разложения буржуазной юридической науки. Она является иллюстрацией весьма распространенного в современной буржуазной науке «выветривания» государственной власти и суверенитета, являющегося особо утонченным способом маскировки диктатуры монополистического капитала в современном буржуазном государстве всякого рода «общественными функциями».

«Теория» Нимейера, в этом смысле, несомненно, соприкасается и с более ранними плюралистскими теориями отрицания суверенитета, связанными с именами Прейса, Дюги,

Ласки. Одним из духовных отцов последнего является английский социолог Баркер, введший новый термин: полиархизм (многовластие) для характеристики отношений власти в обществе⁴⁶. Суть этих теорий сводится к противопоставлению «монистической» концепции суверенитета «социально-политического плюрализма», подчеркивающего, что внутри государства существуют общественные группировки – общины, профессиональные организации и т. п., выступающие с некоторой долей самостоятельности перед лицом государства. Государство, – утверждает Ласки, – лишь одна из групп, к которым принадлежит индивид. Теоретической предпосылкой такого противопоставления являются отрицание за самим государством характера юридического лица и особенно значимое для Дюги и Ласки отождествление государства с группой людей, осуществляющих власть, т. е. с правительством в широком смысле слова. «Воля государства на деле – это воля правительства, как она принимается теми гражданами, которыми оно правит»⁴⁷. «Правительство – это самое сердце государства». «В актуальной политической борьбе суверенитет государства означает суверенитет правительства». Но так как в современном государстве нельзя говорить о неограниченном суверенитете правительства, как это имело место в абсолютистском государстве, правильнее было бы вовсе не говорить о суверенитете. К тому же, утверждает Ласки, в современном государстве трудно указать на действительных правителей, поэтому суверенитет оказывается чем-то «недоступным человеческому взору».

Дюги утверждал, что суверенное «государство умерло или находится при смерти». Он предсказывает установление в ближайшем будущем такого политического строя, «из которого будет совершенно изъято понятие государственной власти»⁴⁸.

Согласно утверждению Дюги, совершенно искажающему подлинную сущность современного буржуазного государства, государство как властная сила уступает место государству, «обслуживающему нужды и обеспечивающему координацию современной корпоративной жизни». Отрицание суверенитета у Дюги связано с отрицанием правотворческой роли государства. Государство не создает право, а лишь «констатирует» его как норму общественной солидарности, представляющую собой норму, освящающую незыблемое право частной собственности, неприкосновенной для самого государства. Право столь же обязательно для государства, как и для граждан. Поэтому «и вера в существование суверенной государственной власти не отвечает никакой реальности и должна исчезнуть».

«Учение о суверенитете не содержит и атома положительной реальности. Это постулат формальной метафизики»⁴⁹.

В отличие от более позднего американского автора Уиллоуби, отрицающего так же, как и Борель и Генель, суверенитет в международном праве и признающего его в праве государственном, Дюги допускает законность этой категории в международном праве, но решительно отвергает всякий внутрисударственный суверенитет как понятие, равнозначное произволу.

Отрицание суверенитета у Дюги было навеяно учениями синдикалистов, у Ласки – тред-юнионизмом. «Тред-юнион, как таковой, не имеет никакой связи с мормонской церковью. Он, как нечто самодовлеющее, стоит на собственных ногах. Он может сотрудничать с государством, но это для него не необходимо». Ласки усматривает развитие в обществе «экономического федерализма», разделение власти между отдельными ассоциациями и союзами, в которых может якобы проявиться и активность рабочего. Таким образом, отрицание

⁴⁶ *Cohen H. E.* Op. cit. С. 109–110; термин «полиархический» употреблялся еще Яценко в применении к конфедерации (Яценко. Указ. соч. С. 300).

⁴⁷ *Laski. A grammar of politics.* L, 1925. P. 56.

⁴⁸ *Дюги.* Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909. С. 32, 146.

⁴⁹ *Duguit. Souveraineté et liberie.* Paris, 1922. P. 77.

суверенитета продиктовано желанием утвердить самостоятельность тред-юнионов, самостоятельный характер экономической организации рабочего класса, стремлением отделить ее от политической борьбы. Вместе с тем Ласки утверждает, особенно в своих позднейших работах, в том числе и в книге «Размышления о революции», несовместимость суверенитета с международной организацией, мировым рынком и т. п.

В лице Дюги и Ласки социологическая теория права встретилась с теорией политического плюрализма. Их роднит общая тенденция к тому, чтобы свергнуть государство – «Левиафан» и обеспечить широкое поле деятельности для синдикатов, тред-юнионов и тому подобных организаций. Это более или менее ярко выраженный синдикализм, подмена политической борьбы рабочего класса экономической, прямой нигилизм в отношении первой. Государству Ласки в лучшем случае отводит роль «координирующего агентства».

Характерным выражением этих тенденций является «юридический плюрализм» Гурвича, который считает, что наряду с правом, создаваемым государством, существует также внесударственное («*extraétatique*») право, одним из видов которого является, по его мнению, «рабочее право», основанное на коллективных договорах между предпринимателями и рабочими, заключаемых якобы помимо государства⁵⁰. Таким образом, прикрывается роль государства как защитника интересов капитала и гарантии системы капиталистической эксплуатации.

В Соединенных Штатах эти направления получили поддержку со стороны социологического государствоведения (Бэрд, Мерриэм, Когэн), тесно примыкающего к различным буржуазным социологическим и психологическим школам. Явления государства изучаются под углом зрения «групповой психологии», предметом которой становятся и политическая власть, и право, и суверенитет. Точнее: последние понятия вытесняются такими категориями социологии и социальной психологии, как «влияние», «общественное мнение», «давление», «техника власти», «символика власти», «социальная функция», «стабилизатор», «политический контроль» и т. п. Хотя это направление в области американского государствоведения оказалось вынужденным тем самым разоблачить «невидимые» факторы, скрытые пружины государственной политики, ее «манипулятивные аспекты» (Когэн), т. е. партийный механизм: боссизм, патронаж, лобби и другие характерные черты американской псевдемократии, но при этом затушевывалось значение прямого государственного принуждения в жизни современного политического общества. Так, для Когэна суверенитет должен свестись к «направлению и руководству, к сбалансированию интересов и сохранению равновесия между индивидами и группами индивидов». Государство из орудия диктатуры класса превращается в некоего общественного беспристрастного арбитра в спорах между классами. Действительная картина отношений в империалистическом государстве, характеризующаяся ростом мощи бюрократии и милитаристских кругов, срастанием государственного аппарата с капиталистическими монополиями, совершенно искажается. Сам Когэн вынужден признать, что «во время войны миллионам граждан было дано усвоить фундаментальную природу тех конечных прав, которыми государство располагает как в отношении их, так и в отношении их имущества. Им дано было узнать, насколько их права зависят от молчаливого или выраженного согласия суверенного государства. Политическая наука будущего отразит эту оценку»⁵¹. Так сама действительность опровергла абстрактные построения социального плюрализма, так же как и юридического монизма и других буржуазных теорий, отрицающих суверенитет, и доказала непререкаемую реальность суверенитета государства.

⁵⁰ *Gurwitch. Le temps present et l'idée du droit social. Paris, 1932.*

⁵¹ *Cohen H. E. Sovereignty // The future of government in U.S. 1942.*

Глава 2. Социально-политическая сущность и юридическая форма суверенитета

1

Мы видели, что в буржуазной науке период утверждения принципа суверенитета закономерно сменился периодом отрицания. Однако и тогда, когда буржуазная наука права утверждала принцип суверенитета, она не была в состоянии удовлетворительно разрешить связанные с этой проблемой (как и с любой научной проблемой) трудности. Это и облегчило работу критиков суверенитета, указывавших на якобы органически присущие суверенитету внутренние противоречия, антиномии, апории. При этом, главным образом, речь идет о таких вопросах, как: 1) соотношение суверенитета и права, т. е. вопрос о возможности правового регулирования верховной власти; 2) соотношение суверенитета и международного права, т. е. вопрос о совместимости суверенитета государства с его подчинением нормам международного права.

Эти трудности ставили и ставят в тупик буржуазную науку, отрывающую юридическую форму суверенитета от ее классового содержания, рассматривающую суверенитет абстрактно и статически, игнорируя динамику его развития.

Неспособность буржуазной науки разрешить эти проблемы обусловлена не только порочностью применяемого ею формально-юридического метода, но и тем, что в буржуазном обществе юридическая форма призвана не столько выражать, сколько маскировать, прикрывать фактическое положение вещей, содержание тех или иных общественных отношений. Устранение этих трудностей вполне доступно для советской юридической науки, которая, пользуясь методом материалистической диалектики, на основе марксистско-ленинского учения о праве и государстве, не только вскрывает несостоятельность буржуазных теорий, но и противопоставляет им положительную научную теорию суверенитета, систематически и последовательно разрешающую основные юридические и иные проблемы, связанные с принципом суверенитета.

Одним из способов теоретической подготовки отрицания принципа суверенитета является его крайняя юридизация, связанная с крайней юридизацией самого государства. Весьма характерным в этом отношении является учение Кокошкина, Краббе и Кельзена о суверенитете права как верховенстве безличных и абстрактных правовых норм. Как уже отмечалось, Краббе считает носителем суверенитета самое право. Правда, Краббе еще не распространяет принцип суверенитета права на все типы и формы государства. По Краббе, о суверенитете права можно говорить лишь в применении к современному «правовому государству» (т. е. буржуазному государству), где власть формально действует на правовых основаниях. Но Кельзен идет дальше, доводя юридизацию государства и формализацию суверенитета до своего логического конца в буквальном смысле, т. е. до пункта, в котором уже кончается всякая логика. По Кельзену, государство тождественно с правом, государство есть правопорядок. Это относится, по утверждению Кельзена, к любому государству, даже к деспотическому. Ибо, рассуждает Кельзен, и веления деспота имеют своей предпосылкой «основную норму» («Grundnorm»), гласящую: «Веления деспота должны быть выполняемы». Следовательно, и любая деспотия зиждется на «правовом» начале. «Основная норма», или конституция, в юридико-логическом смысле является необходимой, по Кельзену, предпосылкой любого государства.

Можно смело сказать, что в учении Кельзена, доводящем юридизацию государства и суверенитета до конца, с особой силой выявляются внутренние противоречия, притом как

раз логические противоречия, присущие буржуазным формалистическим теориям, со всей отчетливостью выступают неизбежные для формально-юридического мышления парадоксы суверенитета.

Эти «парадоксы суверенитета», рассматриваемые с формальнологической точки зрения, заключаются в следующем: суверенитет в государстве основан на положительном праве, ибо лишь власть, действующую «по праву», можно считать суверенной; но действие самого положительного права уже предполагает суверенитет, исходит из суверенитета как из своей предпосылки, ибо лишь нормы, опирающиеся на суверенную власть, исходящие от такой власти, можно считать правом. Закрепленную в конституции высшую власть в государстве можно считать суверенной лишь в том случае, если считать, что сама конституция установлена именно суверенной властью. Получается как будто безвыходный порочный круг: власть опирается на основной закон, но сам основной закон опирается на власть. И недаром так часто начинает мелькать в буржуазной науке образ Мюнхгаузена, вытаскивающего себя из болота за собственные волосы, к этому образу прибегают и Радбрух, и Кельзен.

Напуганные этими трудностями, связанными с проблемой соотношения суверенитета и права, некоторые новейшие буржуазные авторы приходят к отрицанию правового характера суверенитета. Так, например, Фишер-Уильямс, подходя к проблеме суверенитета с точки зрения международного права, утверждает, что «суверенитет как юридический принцип не имеет никакого положительного значения для международного права. Это ограничивающий фактор. Что есть суверенитет, то не есть право; что есть право, то не есть суверенитет»⁵².

Это положение можно было бы, естественно, распространить и на государственное право. Суверенитет начинается там, где кончается право, т. е. там, где кончается правовое регулирование власти, как в международно-правовом, так и в государственно-правовом смысле. Таким образом, суверенитет переносится во внеправовую сферу. Такая теория приходит, хотя и с другого конца, к тем же выводам, к которым ведет и старая немецкая доктрина, признававшая самое право лишь самоограничением суверенитета. В конце концов, с какой стороны ни подойти, суверенитет оказывается внеправовой властью, связь между суверенитетом и правовым регулированием власти разрывается, суверенитет становится равнозначным произволу. Но такая конструкция суверенитета не объясняет реальности современной государственной и международной жизни, в которой суверенитет и право теснейшим и неразрывным образом связаны друг с другом, в которой суверенитет выступает, как правило, именно в правовой форме, а право – как проявление суверенитета государства (национальное право) и как регулирование отношений между суверенными государствами (международное право).

Кельзен вытаскивает своего Мюнхгаузена из болота с помощью «основной нормы». Кельзеновская «Grundnorm», это – прямой результат влияния марбургской неокантианской школы на буржуазную науку права. Герман Когэн в своем «обосновании» идеализма пытается устранить всякую материальную данность с помощью суждения первоначала («Urteil des Ursprungs») как первой гипотезы, являющейся началом порождения («Erzeugung») предмета познания⁵³. Такую же роль играет и понятие «основной нормы» в философии права Кельзена. Эта норма – принцип идеализма в праве. Она – норма первоначала: гипотеза, порождающая все право и лежащая в основе всего правопорядка. Ее задача – устранить всякую естественную или социально-политическую данность, т. е. самую действительность, из области правового познания. Она якобы создает возможность найти основание порождения права в нем самом.

⁵² *Fisher-Williams. Aspects of modern International law.*

⁵³ *Cohen H. Logik des reinen Erkenntnis. 1922. S. 79–93.*

По Кельзену, именно «основная норма» как высшая и невыводимая норма и придает покоящейся на ней системе права свойства суверенитета⁵⁴.

Итак, бытие государства, этого реальнейшего факта, действенность которого ощущается каждым человеком в любую минуту его жизни, покоится на некоторой призрачной формальной гипотезе, нужной, собственно говоря, только для того, чтобы гарантировать существование не государства, а абстрактной, формально-юридической теории государства и, пожалуй, самих ее творцов.

Впрочем, гипотеза «основной нормы» не спасает и эту теорию от глубоких противоречий, вскрывающих всю ее внутреннюю слабость. Эта гипотеза нужна Кельзену для того, чтобы придать праву характер чего-то самодовлеющего, автаркического, не зарождающегося в чем-либо, вне его стоящего. Но ведь в самом положительном праве мы этой нормы не находим; ее нет ни в законе, ни в обычном праве государства. Ее можно сравнить с воображаемой, бесконечно удаленной точкой проективной геометрии, предположение которой придает прямой линии характер замкнутой линии. Но право – это не математика, и ссылка на воображаемое в праве абсолютно ничего не объясняет. К тому же «основная норма» принципиально не может быть найдена в системе положительного права. Ибо с точки зрения «чистой теории права» сама действительность положительного права как раз от нее и зависит. Если «основная норма» сама относится к системе положительного права, возникает вопрос о ее юридическом основании. Если же «основная норма» находится вне положительного права, а Кельзен сам не может избежать этого вывода⁵⁵, то мы приходим к какому-то надположительному праву, быть может, к тому же естественному праву, которое Кельзен, желая спасти остатки своего научного декораума, отвергает – на словах, во всяком случае.

Все эти логические трудности показывают лишь одно – несостоятельность и безнадежность всякой попытки рассматривать государство и право в отрыве от их реальной социальной и политической функции в общественной жизни, т. е. от роли государства и права как орудий классового господства. Только исходя из этой реальной сущности государства и права, раскрытой марксистско-ленинской наукой, можно объяснить «тайну» правового регулирования власти.

В этом смысле «парадоксы суверенитета» представляют известную аналогию с логико-математическими парадоксами. Сущность последних заключается в том, что допущение одного положения ведет к противоположному, а допущение противоположного возвращает к первоначальному положению. Точно так же и допущение суверенитета как бы ведет к стоящей над ним норме права, а следовательно, к отрицанию суверенитета, но норма права предполагает издающую ее суверенную власть и, следовательно, вновь возвращает к суверенитету. Но источником трудностей, связанных с логическими парадоксами, является, на наш взгляд, применение суждений в отрыве от их реальной функции в знании, а именно от функции познания истины, т. е. отражения объективной, независимой от познающего субъекта действительности. И парадоксы суверенитета возникают в результате отрыва государства и права от их реальной, социально-классовой функции.

Не право создает власть, а власть (в начале чисто фактическая) – право. Но вместе с тем функционирование и нормальный порядок образования самой власти регулируются правом, властвование само становится объектом правового регулирования так же, как и другие виды общественных отношений. Но если правовое регулирование, к примеру, имущественных отношений не вызывает особой трудности, то иначе обстоит дело в области правового регулирования власти, ибо само это правовое регулирование как раз и складывается в процессе

⁵⁴ *Kelsen. Ibid. S. 94.*

⁵⁵ *Kelzen. Ibid. S. 98.*

реализации власти и предполагает власть и вытекающие из нее отношения не только в качестве своего объекта, но и в качестве своего субъекта.

Чтобы законно осуществлять власть, необходимо иметь право на власть, но это «право» на власть как будто приходит не извне, а имеет своим основанием самую власть. Только власть может предоставить тому или иному субъекту любое право, в том числе и право на власть. Но ведь – как писал в свое время Ивановский – «никто сам для себя право создать не может. Права всегда устанавливаются кем-либо для других»⁵⁶.

Объяснение этой трудности заключается в том, что понятие «права на власть» имеет двоякий смысл: формально-юридический и политический. Юридический титул на власть органа власти дан в основном законе государства, в его конституции, которая может определять также порядок принятия и изменения самой конституции. Но на чем основано «право» самой конституции устанавливать юридические титулы на власть? На каком основании орган, издающий самую конституцию, «вправе» ее издавать? Каковы юридические основания его полномочий на издание конституции? Если он получил от кого-либо эти полномочия, то на основании какого закона они действительны, поскольку они предшествуют основному закону? Ссылка на предшествующую конституцию (если таковая имелаась) и на то, что издание новой конституции произошло в соответствии с порядком, установленным прежней конституцией, даже если эта ссылка соответствует действительности, не решает проблемы, а лишь отодвигает ее глубже в прошлое. Мы с необходимостью приходим к некоторому пониманию уже не в юридическом смысле, а морально-политическом, служащему основанием юридического права. Подлинное право творцов конституции основано на том, что конституция отражает определенное соотношение классовых сил в государстве, что она выражает реальное господство определенного класса, вырастающее на базе существующих в данном обществе производственных отношений и системы собственности. Именно в этом «праве» и заключается обоснование любой нефиктивной конституции, любого действительного правопорядка. «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»⁵⁷.

В общественном развитии играют огромную роль «права», имеющие свое основание прежде всего в морально-политических требованиях, которые служат необходимой основой содержания самих требований закона. Право (в юридическом смысле) выполняет в общественной жизни определенную функцию, определенное назначение. Право всегда направлено на определенную цель. Норма права устанавливает, каким должно быть поведение субъекта. Но она нормирует поведение субъекта в соответствии с морально-политической нормой, определяющей содержание самой нормы права как нормы, преследующей определенную социальную цель. Целесообразность нормы права есть морально-политическая целесообразность, т. е. соответствие содержания нормы права моральным воззрениям и политическим интересам господствующего класса общества. Норма права обращена к субъекту поведения – гражданину и органу, применяющему право, нормы морально-политические непосредственно обращены к законодателям, но они должны присутствовать и в сознании гражданина и органа, применяющего право, для того, чтобы право понималось и применялось в соответствии со своим назначением, со своим классовым характером.

Для того чтобы объяснить право, надо выйти из пределов права. Возникновение органа власти, устанавливающего данную систему права, как правило, не имеет и часто не может иметь правового характера, как и его «право» устанавливать новое право.

⁵⁶ Ивановский В. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 76.

⁵⁷ Ленин. Соч. 4-е изд. Т. XV. С. 308.

Требования классового господства – такова подлинная и притом реальная «основная норма», лежащая в основе государства, права и суверенитета. Она определяет и содержание права, и порядок создания права государством, и строй государства, и так называемую «правовую связанность» государства. Она обосновывает право и обязанность высших государственных органов, выдвигаемых к власти господствующим классом, оформлять в положительном праве свое собственное бытие и соблюдать ими же установленное право⁵⁸. Правовое регулирование власти в конечном счете возможно и необходимо потому, что его требует классовая функция государства и права, потому, что оно является гарантией правильного с точки зрения интересов господствующего класса функционирования государственной власти. Связанность государства правом есть «связанность» и государства, и права своей классовой функцией. Классовый интерес определяет и границы этой связанности.

Права и полномочия учредительного органа власти могут быть установлены в положительном праве, например как во Франции Четвертой республики в акте Временного правительства о выборах Учредительного собрания и референдуме. Но полномочия учредительного органа не могут выводиться только из этого акта, если мы не хотим впасть в порочный круг. Само Временное правительство не имело «права» не издавать такого акта, оно было обязано это сделать. Акт, уполномочивающий учредительный орган власти, есть лишь юридическое выражение морально-политической нормы, установленной соотношением классовых сил. Такое юридическое выражение может и отсутствовать, и это не меняет существа дела. Каков был юридический титул объявления Генеральными штатами себя Национальным собранием в 1789 г.? Более того: такой юридический акт ничтожен, если он не основан на морально-политической норме или если он ей противоречит, как об этом свидетельствует опыт российской «учредилки», пытавшейся повернуть вспять колесо истории и оказавшейся им раздавленной. Мнимое юридическое «право» Учредительного собрания пришло в столкновение с реальным морально-политическим и юридическим правом рабочего класса на власть, и первое оказалось сметенным, брошенным в мусорный ящик истории. «В конце 1917 года, после Октябрьского переворота, лозунг Учредительного собрания стал реакционным, ибо он перестал соответствовать новому соотношению борющихся политических сил в стране»⁵⁹.

Высшее право – это право класса на власть, обусловленное исторической ступенью развития общества, требованиями этого развития. Это, разумеется, не всегда юридическое право, оно может совпадать с последним, но может и противоречить ему. В 1789 г. морально-политическое право французской буржуазии на власть вступило в конфликт с юридическим правом французского короля, некогда опиравшимся на морально-политическое право дворянского класса, представляемого абсолютизмом, но к этому времени утратившим свое морально-политическое основание. Идеологи французской буржуазии считали свое право на власть естественным правом, а притязания королей основанными на историческом праве франкских завоевателей. На самом деле право французской буржуазии было исторически обусловленным правом эпохи, требовавшим своей реализации в положительном праве, в то время как юридическое право французских королей было правом, обреченным историей. Так на основе марксистско-ленинского анализа государства и государственной власти решается проблема соотношения суверенитета и права.

⁵⁸ Современный польский автор считает, что в превращении фактической власти во власть правовую решающую роль играет «акцептация», признание власти обществом, хотя бы неосознанное (*Seidler: O istocie władzy państwowej. Krakow, 1943. P. 119, 128, 160*). Это по существу тот субъективный реализм, который в свое время развивал Коркунов (Закон и Указ. 1894. С. 191–192). Но дело не в признании как таковом, а в активной поддержке данной власти господствующим классом, в качестве своей власти, в «признании», обусловленном определенными интересами и выражающем волю этого класса. «Нейтральная» формула «признания» стирает различие между активной поддержкой власти господствующим классом и вынужденным (физически или морально) «принятием» власти угнетенными классами.

⁵⁹ Сталин. Соч. Т. 4. С. 137.

2

При анализе такой сложной проблемы, как проблема суверенитета, мы считаем методологически наиболее правильным исходить не из спорных и дискуссионных, а из бесспорных признаков и элементов понятия суверенитета. Бесспорным является связь понятия суверенитета с понятием верховной власти. Суверенитет невозможен без верховной власти. Бесспорными элементами, конституирующими верховную власть, являются ее постоянство, самостоятельность и неограниченная компетенция. Не может считаться верховной властью в государстве власть временная (например, Временное правительство или Учредительное собрание с заранее ограниченным сроком полномочий), власть, делегированная на определенных условиях другим органом, власть, чья компетенция устанавливается, ограничивается и контролируется другим органом государства.

Трудность проблемы, однако, заключается в том, что со времени падения абсолютизма такая верховная власть какого-либо одного органа юридически и фактически больше не существует ни в одном государстве. Впрочем, и в отношении абсолютизма, можно, пожалуй, сказать, что его юридический титул на неограниченную власть являлся нередко весьма неуловимым, а фактическая неограниченность власти, по крайней мере, спорна.

Во всяком случае в государстве с более или менее развитым правовым регулированием власти мы не находим органа верховной власти в таком смысле.

Во второй половине XVIII в. говорили о неограниченной деспотической власти английского парламента (Блэкстон, Де-Лольм). Однако при этом имелся в виду не один орган, а система трех органов, независимых друг от друга, взаимно «уравновешиваемых», сдерживавших, а следовательно, и ограничивавших друг друга: палата общин, палата лордов и король.

Но и после установления парламентаризма не приходится говорить о подлинном верховенстве нижней палаты ни в Англии, ни в других буржуазных парламентарных странах, поскольку сохранены значительные элементы формального разделения властей в виде неотвечественности главы государства, права роспуска, а также независимой верхней палаты. Если даже считать, что прерогатива короля полностью находится в распоряжении парламента, то все же остается весьма проблематичным юридическое право парламента сделать свои полномочия постоянными или вовсе ликвидировать одну из своих частей, например королевскую власть, без ее согласия.

Еще меньше можно говорить о суверенитете парламента в парламентарных странах с писаной конституцией, стоящей над парламентом. Но, может быть, суверенная власть в буржуазно-демократических государствах, основанных на принципе «народного суверенитета», принадлежит народу? Однако реальный народный суверенитет исключается самим общественным строем капитализма. Ему противоречит также – если даже оставаться в чисто юридической плоскости – то, что «право» народа в этих государствах ограничивается одним только правом избрания представителей, а также – в некоторых государствах – правом голосовать в порядке референдума. «Суверенному» народу не предоставлено право контролировать или досрочно отзывать депутатов. И недаром современные реакционные теории Ориу или Комбетекра, по существу развивая старую доктрину Лабанда, признают за избирательным корпусом лишь так называемую «избирательную власть», рассматривая законодательную власть как право, самостоятельно и бесконтрольно осуществляемое парламентом, без всякой делегации со стороны народа, ибо последний не может делегировать власть, которой он сам не располагает (об этом чуть ниже). В странах, где существует институт референдума, к избирательной власти присоединяется также вотирование законов, выносимых при

определенных условиях на референдум. Однако и тут еще весьма и весьма далеко до верховенства народа – даже в формальном смысле.

Ибо власть народа, вопросы, ей подлежащие, и способ ее осуществления устанавливаются конституцией, принятой собранием представителей. Эта власть должна осуществляться в соответствии с конституцией, и, следовательно, не является властью безусловной и неограниченной. Если даже сама конституция утверждается всенародным опросом, то состав лиц, имеющих право участвовать в опросе, и обязательный порядок голосования все же установлены не народом. А между тем, не только от избирательного права, но даже от организационно-технических особенностей избирательной системы, от характера избирательных округов, от принятия пропорциональной или мажоритарной системы, от порядка определения результатов выборов зависят и результаты выборов. Известно, что в буржуазных странах все это используется для того, чтобы всячески ограничить права народа. Юридически действует не народ, а избирательный или голосующий корпус, который установлен законом и который не совпадает со всем народом. Для того чтобы народ мог произвести акт, имеющий юридическую силу, необходимо, чтобы было предварительно кем-то установлено, кто именно участвует в этом акте, в каком порядке этот акт должен быть проголосован и т. д.

Таким образом, понятие верховной власти не может в буржуазном государстве быть отнесено ни к органу государства, ни к народу, ни даже к избирательному корпусу. Старая юридическая школа отнесла суверенитет к самому государству, а не к какому-либо органу государства или народу. Однако подобное решение вопроса осталось формальным и совершенно бесплодным, так как само государство понималось формально-юридически и абстрактно. Такое понимание государства затушевывает и маскирует классовую сущность государства – в этой маскировке и заключается главная задача буржуазных теорий государства. На абстракции государства – юридического лица или государства – правопорядка нельзя построить такое учение о суверенитете, которое объясняло бы реальные факты государственной и общественной жизни. Такое абстрактное понимание государства неизбежно влечет за собой те оказавшиеся неразрешимыми для буржуазной науки логические противоречия и парадоксы, которые мы констатировали выше, в частности в вопросе о совместности суверенитета с правом.

Для того чтобы решить вопрос о природе и носителе суверенитета, необходимо исходить из понятия о государстве как орудии классового господства, которое возникло в условиях эксплуататорского общества «для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства»⁶⁰. Необходимо исходить из социально-классового назначения государства и из его функций. Государство является орудием господства класса, и, следовательно, верховная власть тех или иных органов или того или иного избирательного корпуса в государстве есть не что иное, как юридическое выражение и форма этого господства, определяющего и характер распределения функций и прав властвования между отдельными органами государства, и их иерархию. Реальным же носителем суверенитета государства является та социальная сила, тот класс, который держит в своих руках само государство как орудие своего господства. «Парадоксы суверенитета» возникают в результате того, что форма суверенитета, а именно его юридическое выражение, берется изолированно, вне связи с содержанием суверенитета, т. е. реальным политическим господством класса в государстве. Суверенитет не может рассматриваться, да, впрочем, никогда в действительности и не рассматривался, как чисто юридическое понятие. Юридической является лишь форма суверенитета, в то время как содержание его находится в более глубокой сфере отношений. От юридического выражения суверенитета необходимо перейти к его «метаюридической», социально-политической сущности для того, чтобы правильно

⁶⁰ Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 604.

решить проблему суверенитета и ее антиномии. Логические трудности проблемы суверенитета находят свое разрешение в диалектике формы и содержания суверенитета.

Решение вопроса о соотношении между содержанием суверенитета и его юридическим выражением является ключом к построению научной теории суверенитета.

Суверенитет принадлежит государству, т. е. определенной организации господствующего класса. Анализ суверенитета, следовательно, включает и вопрос о классе как о решающей социальной силе в государстве, и вопрос о конкретной организации господства этого класса, об его орудиях власти, об органах, выражающих и осуществляющих это господство. Первое составляет содержание суверенитета, второе – его форму или государственно-правовое выражение. Следовательно, речь идет о двух взаимосвязанных между собой аспектах как суверенитета, так и государства. Носителем суверенитета в аспекте его социально-политического содержания (или условно – «политического суверенитета») является господствующий в государстве класс, носителем суверенитета в аспекте его юридической формы (или условно – «юридического суверенитета») – совокупность высших органов и орудий власти государства как организации диктатуры данного класса.

Юридический суверенитет – это высшая власть органов государства, зафиксированная в законе, регулируемая правом и, следовательно, осуществляемая в правовых формах. Тот самый интерес господствующего класса, который требует образования юридической формы суверенитета, для того чтобы обеспечить правильное, с точки зрения этого класса, функционирование государства и государственной машины, требует также, чтобы юридический суверенитет осуществлялся в правовых формах и был тем самым ограничен в смысле *порядка* своей деятельности. Политический суверенитет – это высшая власть класса, господствующего в государстве, являющаяся реальным основанием самого закона и в этом смысле стоящая «над» законом, являющаяся источником всякого права. Политический суверенитет – это реальное, проявляющееся как в юридических, так и во внеюридических формах, политическое господство класса, опирающегося на свою экономическую мощь. Носителем суверенитета как единства политического содержания и юридической формы является государство как политическая организация класса, действующая через свои органы власти.

Наши категории политического и юридического суверенитета принципиально отличны от одноименных категорий, употребляемых некоторыми буржуазными учеными. У нас соотношение политического и юридического суверенитета есть соотношение содержания и формы суверенитета. Они различаются в рамках диалектического единства формы и содержания. В буржуазных теориях и политический, и юридический суверенитет понимаются формально, а социально-классовое содержание суверенитета игнорируется. В нашем построении политический суверенитет стоит над юридическим, в буржуазной теории (Дайси) политический суверенитет ниже юридического суверенитета. У нас различие политического и юридического суверенитета помогает обоснованию подлинно народного суверенитета; в буржуазных теориях это различие имеет целью ограничить права народа. У Дайси избирательный корпус обладает только политическим суверенитетом, акты которого не обязательны для судей; у Ориу народ обладает юридическим суверенитетом, который, как мы видели, никакого реального значения не имеет, а к политическому суверенитету он лишь причастен в виде так называемой избирательной власти (которая принадлежит, к тому же, не народу, а избирательному корпусу).

Классовая диктатура составляет ядро, сущность суверенитета. Это не значит, что диктатура господствующего класса всегда принимает характер государственного суверенитета. Классовая диктатура существовала и в таких исторических типах государства, к которым неприменим принцип суверенитета. Суверенитет возник в определенных исторических условиях и притом не одновременно с государством. Но во всяком случае бесспорным явля-

ется то, что государственный суверенитет всегда включает в качестве своего основного ядра, своей сущности диктатуру класса.

Из этого следует, что подлинной основой суверенитета является *собственность*. Собственность сама по себе еще не тождественна суверенитету. При некоторых исторических системах собственности государственный суверенитет отсутствовал. Однако не может быть речи о государственном суверенитете, не опирающемся как на свою реальную и материальную базу на ту или иную систему собственности, определяющую место господствующего класса в производстве, являющуюся источником его экономического могущества и необходимой основой его политической власти.

Суверенитет опирается на собственность, и в то же время суверенитет, как политический, так и юридический, используется господствующим классом для закрепления и охраны существующей системы собственности. Таким образом, при анализе суверенитета необходимо иметь в виду его экономическую основу (систему собственности), политическую сущность или содержание (классовую диктатуру) и юридическую форму (власть, осуществляемую органами государства в правовом порядке).

Реальный политический суверенитет всегда принадлежит классу, владеющему собственностью на орудия и средства производства.

Именно поэтому в условиях буржуазного государства невозможен политический суверенитет народа, как бы ни были внешне демократичны юридические формы суверенитета.

Юридический суверенитет принадлежит монарху, парламенту, избирательному корпусу; некоторым из них или им всем, вместе взятым.

Для эксплуататорских государств характерно расхождение между политическим и юридическим суверенитетом. Совпадение, более или менее полное, носителей политического и юридического суверенитета в эксплуататорском государстве возможно в непосредственной цензовой республике (тимократии), где классовое господство выражено в открытой форме, где высшим органом власти является собрание господствующего сословия. Приближением к такому совпадению является представительная цензовая республика, где юридический суверенитет принадлежит ограниченному избирательному корпусу собственников, составляющему «*paus legal*» – «юридический народ», и избираемому им парламенту.

Напротив, в социалистическом государстве между юридическим и политическим суверенитетом существует полное соответствие на базе полновластия трудящихся города и деревни во главе с рабочим классом.

Юридическое выражение суверенитета относится к форме государства, политический суверенитет – к типу государства. В пределах одного и того же политического суверенитета возможны различные юридические формы суверенитета.

«На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»⁶¹.

Изменение политического суверенитета, т. е. переход политической верховной власти от одного класса к другому, влечет за собой и изменения юридической формы суверенитета.

Разумеется, расхождение между политическим и юридическим суверенитетом в эксплуататорском государстве имеет свои пределы: оно не может зайти настолько далеко, чтобы свести на нет какой-либо один из них. Форма определяется содержанием. Это означает прямую обусловленность юридического суверенитета политическим. Политическое господство дворянства находит свое выражение в условиях абсолютной монархии в его юридически

⁶¹ Ленин. Соч. Т. XV. 4-е изд. С. 308.

закрепленных сословных привилегиях, особых правах на занятие высших должностей и т. д., а в буржуазно-демократических государствах политическое господство буржуазии – в особенностях избирательного права, в скрытых классовых цензах и т. п. Но в то же время политическая необходимость может диктовать предоставление тем или иным слоям, не принадлежащим к господствующему классу, т. е. к политическому суверену, права на участие в осуществлении юридического суверенитета, т. е. на формальное участие в высшей власти.

Важно отметить то, что политический суверенитет не может быть сведен к юридической форме деятельности государства. Власть господствующего класса не может быть исчерпана одними лишь правовыми формами ее проявления. И в этом смысле о суверене можно действительно сказать, что он выше законов. Мы уже видели, что на почве права идея суверенитета как действительного верховенства власти не может быть полностью раскрыта. Всякая правовая власть, т. е. власть, основанная на праве, в той или иной мере, в том или ином отношении ограничена и подчинена. Юридически даже учредительная власть является всегда в том или ином отношении и учрежденной властью. Только выходя за пределы чисто юридического, мы можем подойти к подлинному верховенству и к подлинному носителю этого верховенства – господствующему классу. Конечно, политический суверенитет обязательно находит и соответствующее ему юридическое выражение. Невозможно говорить о политическом суверенитете народа как совокупности всех граждан без всеобщего избирательного права. Нельзя говорить о суверенитете дворянства в абсолютном государстве без соответствующих сословных привилегий. Однако столь же бессмысленно *сводить* политический суверенитет народа к одному лишь избирательному праву, или референдуму, или вообще к любому другому праву власти, основанному на установленном законе.

При нормальных с точки зрения господствующего класса обстоятельствах, т. е. при таких обстоятельствах, когда политический суверенитет господствующего класса осуществляется без помех или угрозы извне или изнутри, презюмируется, что акты установленных органов государственной власти, соответствующие конституции так же, как и акты избирательного корпуса, суть акты политического суверена, и суверен иначе и не действует, как в соответствии с конституцией. Изменение самого порядка деятельности высших органов власти или конституции происходит с соблюдением этого порядка или конституции. Но при этом молчаливо исходят из того, что последним основанием конституции является то, что она есть возведенная в закон воля класса, что конституция держится длящейся волей или интересом господствующего класса.

Надо тут же оговорить, что когда мы говорим о воле класса или о воле народа, мы имеем в виду не волю в психологическом смысле, а проявляющийся в действии интерес. Воля класса и интерес класса по существу совпадают, так как первая полностью детерминирована последним. Право государства – это объективизация воли класса, а государственный строй – нормальный канал проявления этой воли. Но политический суверенитет находит свое выражение и в случае перерыва в нормальной государственной жизни, например в случае вражеского нашествия или узурпации власти, незаконной с точки зрения господствующего класса. Когда конституционные органы государства прекращают свое существование (или когда они не могут действовать в установленном порядке), тогда могут быть созданы новые органы (или новые формы деятельности старых органов), «правом» которых является их соответствие интересу и воле политического суверена в борьбе за сохранение своего суверенитета.

В тезисе классической доктрины буржуазных просветителей о том, что одно поколение не может своей конституцией связать все последующие поколения, сквозил взгляд на суверенитет как на власть, не исчерпывающуюся и не сводящуюся к одному лишь голосованию. Из этого положения вытекало, что новое поколение может проявить свою волю, не стесняя себя конституционными формами, установленными предыдущим поколением. Идеологи и

законодатели прогрессивной буржуазии, поднимавшейся к власти, считали тогда одним из главных проявлений державности суверенного народа, в силу естественного права и против положительного права, право народа на восстание против узурпатора. Это было необходимо для обоснования борьбы буржуазии за власть против феодализма.

Американская декларация независимости, изданная в разгар войны за независимость против английского короля Георга III, устанавливала, что «когда какая-либо форма правления становится губительной для этой цели (т. е. обеспечения прав граждан), то народ вправе изменить или уничтожить ее и установить новое правительство». Якобинская конституция заявляла: «Да будет каждое лицо, которое узурпирует суверенитет, предано смерти свободными людьми – когда правительство нарушает права народа, восстание является для народа и для каждой части народа самым священным из прав и самой непререкаемой из обязанностей».

Это право на восстание имело двоякий смысл. С одной стороны, речь могла идти о восстановлении прав суверена, нарушенных тираном или завоевателем. С другой стороны, – и в этом заключался наиболее существенный и наиболее революционный момент этой доктрины – в этом праве на восстание суверенность народа как требование естественного права, т. е. *как право* на суверенитет, выступает против юридического суверенитета абсолютного монарха, объявляемого узурпатором естественного права.

Эта идеология буржуазии, борющейся против феодализма, нашла свое выражение в некоторых рассуждениях Локка, в которых он, впрочем, не без колебаний, выходит за рамки своего благонамеренного либерализма. Локк – один из провозвестников народного суверенитета, предшественник Руссо. Народ у Локка выступает как совокупность собственников. По Локку, основанием и источником всякой организованной власти является «народ». В государственном правопорядке народ выступает как избирательный корпус; законодательная власть, исполнительная и федеративная власть, равно как и прерогатива, осуществляются на законном основании соответствующими органами, включая и короля – до тех пор, пока они действуют в соответствии со своими задачами и целями, установленными «народом» и состоящими прежде всего в охране собственности (в том широком смысле, какой Локк придает этому понятию, включая в него также жизнь и свободу). Нарушение со стороны власти принципов общественного договора возвращает «народу» естественное право действовать внеправовыми с точки зрения положительного права, но правомерными с точки зрения «естественного права» способами для восстановления свободы и свободного правления. «Таким образом, – говорит Локк, – можно сказать, что общество (the Community) в этом отношении является высшей властью, но не постольку, поскольку последняя рассматривается как подпадающая под какую-либо форму правления. Ибо эта власть народа может иметь место лишь тогда, когда организованное правление (government) распалось. Во всех тех случаях, когда организованное правление существует, высшей властью является законодательная власть»⁶².

Таким образом, по Локку, в нормальное время законными представителями «народа» являются конституционные органы власти, а высшая власть «народа» проявляется лишь в случае распада этих органов.

В период борьбы за власть буржуазия признавала право на восстание против тиранов и узурпаторов. После установления монопольного господства буржуазии это право стало не только лишним, но даже опасным.

Расстояние, отделяющее прогрессивную буржуазию XVIII в. от выродившейся буржуазии середины XX в. в лице ее наихудших, но зато в некотором отношении наиболее характерных представителей, можно измерить и наглядно представить путем сопоставле-

⁶² Locke. Two Treatises on government. London, 1888. P. 270.

ния учения о праве на восстание с тезисом «прославленного» фашистского теоретика Карла Шмитта: «...суверен тот, кто решает об исключительном положении»⁶³. Для прогрессивной буржуазии XVIII в. решающий признак суверенитета – право на революцию. Для фашизма решающий признак суверенитета – это «право» на подавление революции. Прогрессивная буржуазия XVIII в. допускает отклонение от правопорядка для революции, утверждающей, пусть формально, демократические права и свободы. Фашизм требует отклонения от правопорядка для контрреволюции, уничтожающей демократические права и свободу. Но это сопоставление относится не только к фашизму. Юридическая мысль и в так называемых демократических странах весьма далеко отошла от прогрессивных концепций классической доктрины буржуазной революции. Так, Уиллоуби указывает, что народ при любой попытке революционного выступления против власти «ставит себя вне государства». «Как бы ни правильным было поведение (масс) с моральной точки зрения, – Уиллоуби лицемерно надевает личину народолюбца, – но с юридической точки зрения они действуют не как политическое тело, а как толпа. Это не может быть актом суверенитета»⁶⁴. Как будто акт суверенитета может подлежать только юридической оценке, т. е. оценке с точки зрения действующего права, зависящего от воли самого суверена.

Суверенитет отражает в себе диалектику общественной жизни, господствующей в ней борьбы противоположностей, борьбы старого и нового. Существующему политическому и юридическому суверенитету может быть противопоставлено право на суверенитет другого, поднимающегося класса. Это право не юридическое. Оно не зафиксировано и не может быть сразу зафиксировано юридически до тех пор, пока оно не реализовано. Это морально-политическое требование, противопоставленное существующему закону, но его правомерность определяется законами развития самого общества. В 1917 г. рабочие и крестьяне России под руководством рабочего класса и его партии противопоставили *свое* право на суверенитет существующему порядку и утвердили свой суверенитет в форме советского государства. Таким образом, это морально-политическое право становится также и юридическим в ходе победоносной революции, в результате которой «новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком»⁶⁵.

Только таким путем происходит переход суверенитета от одного классового носителя к другому.

Мы приходим к тому выводу, что существующий политический суверенитет обусловлен типом государства, а право на суверенитет – тенденциями развития общества, способствующими складыванию в недрах данного антагонистического общественного строя новых социальных сил и возлагающими на них историческую миссию создания нового общественного строя, нового типа государства и тем самым нового содержания принципа суверенитета.

⁶³ Carl Schmitt. Politische Theologie. S. 1.

⁶⁴ Willoughby. Op. cit P. 41.

⁶⁵ Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд. С. 611.

Глава 3. Определение суверенитета. Признаки суверенитета

1

Суверенитет *есть состояние полновластия государства на сво-ей территории и его независимости от других государств*⁶⁶.

Суверенитет предполагает, что в данном организованном в го-сударство обществе публичная власть, выступающая от лица госу-дарства, объединяет в себе следующие необходимые признаки:

1. Единство власти, выражающееся в наличии единого высше-го органа или системы органов, составляющих в своей совокупно-сти высшую государственную власть. Характер этой совокупности как системы органов единой власти определяется единством клас-совой основы. Ее юридическими признаками является то, что:

а) совокупная компетенция этих органов охватывает все полномо-чия, необходимые для осуществления функций государства;

б) различные органы, принадлежащие к этой системе, не могут предписывать одно-временно одним и тем же субъектам при одних и тех же обстоятельствах взаимно исключа-ющие друг друга прави-ла поведения.

2. Монополия или концентрация властного принуждения в ру-ках государства в лице его органов. Властное принуждение в отно-шении членов общества может осуществляться только государством или в силу делегирования соответствующего права государством в государственных целях. В последнем случае недостаточно простого допущения или санкционирования государством осуществления принуждения какой-либо негосударственной организацией. Необходимо прямое делегирование, при котором любое властное принужде-ние является принуждением, исходящим именно от государственной власти, которая может лишить данную организацию ее властных функций по своему усмотрению. В противном случае власть государства была бы ограничена в силу наличия организаций, осуществля-ющих от себя властные функции помимо государства, и не могло бы быть речи о государ-ственном суверенитете.

Принцип монополизации или концентрации властного принуждения направлен против принципа социально-политического плюрализма, который, как мы видели, означает отрица-ние суверенитета.

При этом властное принуждение включает не только издание веления, но и обеспече-ние собственной силой выполнения подвластными субъектами данного веления⁶⁷.

3. Неограниченность государственной власти.

Эти три признака составляют полновластие государства.

⁶⁶ В этом определении суверенитета, отличающемся от определения, данного нами в некоторых прежних работах, учтены ценные критические замечания акад. А. Я. Вышинского в его статье «О некоторых вопросах теории государства и права» в журнале «Советское государство и право» № 6 за 1948 г.

⁶⁷ Значение вопроса о монополизации властного принуждения государством подчеркивал еще Коркунов (Русское госу-дарственное право. 1914. Т. I. С. 27–29). Однако Коркунов допускает непоследовательность: рассматривая монополизацию властного принуждения как необходимый признак государства, входящий в самое определение государства, он в то же время указывает на то, что монополизация принуждения государством устанавливается лишь в результате длительного государственного развития. В действительности монополизация властного принуждения является необходимым призна-ком не государства вообще, а суверенного государства.

4. Внешняя независимость власти государства. В аспекте содержания суверенитета это означает свободное от вмешательства извне осуществление господствующим классом своих задач и интересов, в аспекте юридической формы она выражает отсутствие внешних юридических ограничений такой свободы помимо общеобязательных для всех государств норм международного права.

Соединение всех этих признаков государственной власти, без которого нет суверенитета, как будет показано ниже, происходит на определенной стадии государственного развития.

Некоторые буржуазные авторы видят в суверенитете чисто юридическую категорию. Так, Кельзен допускает существование суверенитета лишь в юридической плоскости. Фактический суверенитет невозможен, он исключается, по мнению Кельзена, уже в силу действия в сфере реального принципа причинности. Такую чисто формалистическую концепцию суверенитета проводит и Палиенко, утверждающий, что «суверенитет есть лишь чисто формальное юридическое понятие, указывающее на юридически безусловное и независимое господство государства... Понятие суверенитета совершенно не указывает на фактическое могущество и материальные средства и силу, состоящие в распоряжении данного государства для поддержания своего суверенитета. Это вопрос факта, весьма важный в политическом отношении, но не имеющий отношения к юридическому характеру суверенитета»⁶⁸. Другим аспектом той же теории, отрывающей юридическое от фактического и политического, являются противоположные теории Аффольтера, Герцфельдера и др., утверждающие чисто политический, а отнюдь не юридический характер суверенитета.

С нашей точки зрения неправильным является само противопоставление юридического и фактического (хотя их и необходимо различать).

Юридическое всегда включает в качестве компонента и фактическое. Право, не опирающееся на действительность, не есть право. Правосубъектность имеет свою экзистенциальную предпосылку в факте наличия или существования самого субъекта права. В области международного права эта предпосылка выражается в принципе эффективности, согласно которому необходимым признаком суверенитета является эффективное осуществление функций государства на его территории. В еще большей степени это относится к государственному праву, ибо здесь определенный факт – наличие эффективной государственной организации – является условием не только субъективного права государства как субъекта права, но и объективного права, существующего в данном государстве, ибо только эффективность государственного принуждения делает это право правом. Внешним критерием осуществления функций государства является наличие функционирующего механизма публичной власти.

Наличие орудий власти является элементарным признаком суверенитета государства.

Независимость и полновластие существуют, если органы данного государства не обязаны в силу государственного права своего или другого государства или в силу неравноправного договора с другим государством подчиняться предписаниям органов другого государства.

Полновластие и независимость означают, что органы государства осуществляют волю и интересы именно господствующего класса в данном обществе, а не того же или другого класса другого общества (что ограничивает независимость) или другого класса того же общества (что ограничивало бы полновластие).

Очевидно, что это положение не может мыслиться в абсолютном, метафизическом смысле. Вполне независимое государство фактически не может в своих отношениях не учитывать интересов другого государства, не может не поступаться в той или иной мере сво-

⁶⁸ Палиенко. Указ. соч. С. 340.

ими интересами в целях добрососедских отношений или для избежания худших последствий. Господствующий класс нередко находится перед необходимостью идти на уступки другим классам и даже наиболее эксплуатируемому классу в целях предотвращения худшего для себя. Но где же граница, за которой уже исчезают подлинная воля и интерес данного класса, данного государства? Если государство пошло на кабальный договор для того, чтобы избежать полной гибели, то и здесь можно говорить о воле и интересе, а именно о воле избежать наихудшего и соответствующем интересе. Это – «воля» и «интерес» человека, отдающего разбойнику деньги, чтобы сохранить жизнь. Абсолютный и общезначимый критерий тут невозможен. Приходится довольствоваться такими понятиями, как «существенные», «серьезные», «коренные», «жизненные» интересы, которыми ни одно государство не может поступиться по доброй воле. При нарушении этих интересов добровольный, по видимости, договор является актом бесспорного насилия над волей государства, т. е. нарушением его суверенитета.

К этим жизненным, коренным интересам относятся в первую очередь интересы экономические. Основой полновластия класса является собственность на орудия и средства производства. При этом имеются в виду важнейшие орудия и средства производства, обеспечивающие данному классу командные позиции в экономике. Наличие мелкой крестьянской собственности и ремесла не служит, разумеется, ограничением полновластия монополистического капитала, тем более что экономически мелкий собственник попадает в полную зависимость от крупного финансового капитала, обладающего сырьем, энергией, кредитом, удобрениями, скупающего продукцию сельского хозяйства и т. д.

Собственность является основой суверенитета. Поэтому класс, приходящий к власти, даже если он обладает к моменту захвата власти орудиями и средствами производства, производит серьезные изменения в системе собственности и в целях укрепления своего господства и подрыва мощи свергнутого класса. Такова была политика буржуазии в период буржуазной революции. Рабочий класс, в условиях социалистической революции, подводит прочную базу под народный суверенитет и диктатуру рабочего класса в виде социалистической собственности. Рабочий класс перестает быть пролетариатом, превращается в новый рабочий класс социалистического общества.

В условиях империализма проблема суверенитета серьезно осложняется в силу характерных для эпохи империализма взаимоотношений между экономически мощными империалистическими державами, с одной стороны, и слабыми в экономическом отношении, преимущественно аграрными странами – с другой. В этих странах собственность на важнейшие орудия и средства производства нередко принадлежит иностранному капиталу. Кабальные внешние займы, нужда в рынках сбыта при монокультурном хозяйстве и так далее ввергают эти страны в финансовую зависимость от иностранного капитала. Формальный суверенитет прикрывает экономический вассалитет. Естественно, что иностранный капитал и соответствующие иностранные державы приобретают также решающее политическое значение в данных странах, диктуют свою волю, навязывают угодные им правительства (вспомним подоплеку бесконечных протестов в латиноамериканских странах, доктрину Трумэна и т. п.). Можно ли в этих условиях говорить вообще о суверенитете этих стран? Не является ли он лишь призрачным суверенитетом? Не правильнее ли сказать, что в условиях империализма можно говорить лишь о суверенитете нескольких великих, экономически и политически независимых государств?

Такая, на первый взгляд подкупающая своей убедительностью постановка вопроса является, однако, ошибочной. Это не марксизм, а империалистический экономизм, который Ленин называл карикатурой на марксизм. Именно подобными рассуждениями, как известно, и «обосновывали» апологеты империализма свое отрицание права наций на самоопределение, как якобы несовместимого с закономерностями эпохи империализма.

Карикатуру на марксизм вместо марксизма выбирает в качестве своей мишени Геллер, когда он утверждает, что для марксизма, якобы, суверенитет не существует. «Едва ли мыслимо более радикальное отрицание суверенитета государства, заявляет он, чем то, которое вытекает из марксистской системы». Оказывается, что марксизм признает лишь «суверенитет экономических законов, отражением которых служат правовые законы». Действие этих законов якобы заменяет всякую «индивидуально-личную власть»⁶⁹. Так беззастенчиво извращает Геллер самую суть марксистского учения о государстве.

В действительности марксизм не отрицает специфичности и своеобразия политической и правовой надстройки; более того, он не отрицает за ней и способности оказывать мощное обратное воздействие на саму экономику.

В своей полемике с Розой Люксембург Ленин указывал на недопустимость смешения экономических и политических категорий, подмены одних другими. Ввиду особой важности этого ленинского высказывания для решения поставленного нами вопроса приводим его полностью. «Поучать с важным видом Каутского тому, что мелкие государства экономически зависят от крупных; что между буржуазными государствами идет борьба из-за хищнического подавления других наций; что существуют империализм и колонии, – это какое-то смешное, детское умничание, ибо к делу все это ни малейшего отношения не имеет. Не только маленькие государства, но и Россия, например, целиком зависят экономически от мощи империалистского финансового капитала „богатых“ буржуазных стран. Не только балканские миниатюрные государства, но и Америка в XIX веке была, экономически, колонией Европы, как указал еще Маркс в „Капитале“... по вопросу о национальных движениях и о национальном государстве это решительно ни к селу ни к городу.

Роза Люксембург подменила вопрос о политическом самоопределении наций в буржуазном обществе, об их государственной самостоятельности вопросом об их экономической самостоятельности и независимости. Это так же умно, как если бы человек, обсуждающий программное требование о верховенстве парламента, т. е. собрания народных представителей, в буржуазном государстве, принялся выкладывать свое вполне правильное убеждение в верховенстве крупного капитала при всяких порядках буржуазной страны»⁷⁰.

Тезисам империалистического экономизма Ленин противопоставляет утверждение возможности образования новых независимых национальных государств в эпоху империализма в пределах империалистических соотношений. «Только с точки зрения „империалистского экономизма“, т. е. карикатурного марксизма, можно игнорировать, например, следующее своеобразное явление империалистской политики: с одной стороны, теперешняя империалистская война показывает нам примеры того, как удается втянуть маленькое независимое политически государство, силой финансовых связей и экономических интересов, в борьбу между великими державами (Англия и Португалия). С другой стороны, нарушение демократизма по отношению к маленьким нациям, гораздо более бессильным (и экономически, и политически) против своих империалистских „покровителей“, вызывает либо восстание (Ирландия), либо переход целых полков на сторону врага (чехи). При таком положении дела не только „осуществимо“ с точки зрения финансового капитала, но *иногда* прямо *выгодно* для трестов, для их империалистской политики, для их империалистской войны, дать как можно больше демократической свободы, вплоть до государственной независимости, отдельным маленьким нациям, чтобы не рисковать порчей „своих“ военных операций. Забывать своеобразие политических и стратегических соотношений и твердить, к стати и некстати, одно только заученное словечко: „империализм“, это совсем не марксизм». «Империалистская эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни

⁶⁹ Heller: Ibid. P. 27.

⁷⁰ Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XVII. С. 430.

„осуществимости“ этих стремлений *в пределах* мировых империалистических соотношений»⁷¹.

Таким образом, экономическая зависимость сама по себе не снимает вопроса о политическом суверенитете.

Конечно, в условиях империализма малые и экономически слабые нации лишены возможности полного проявления своего суверенитета. Точно так же и сейчас, как и в предшествующие эпохи, неравенство военных сил и экономическое неравенство государств открывало и открывает всякие возможности для политического давления одного государства на другое. Действенность суверенитета зависит от экономической, военной и культурной мощи государства. Однако это не делает политический суверенитет чем-то безразличным и бессодержательным для слабых и отсталых наций и государств. Опыт нашей эпохи свидетельствует о том, что политическая независимость, опирающаяся на известный минимум экономических предпосылок, создает относительно наилучшие условия для борьбы государств за укрепление своих экономических позиций, чем в свою очередь создается более прочная основа и для политической независимости, обеспечивается большая действенность суверенитета. Суверенитет необходимо понимать именно в таком диалектическом, а не в абсолютном, метафизическом смысле, динамически, а не статически, во взаимосвязи экономического базиса и политической надстройки, а не в их отрыве друг от друга.

Суверенитет – действенное орудие политической борьбы.

Разумеется, о суверенитете уже не приходится говорить там, где под покровом формальной независимости скрывается полная экономическая, политическая и военная зависимость, превращая суверенитет в голую форму, лишенную содержания. В этом случае суверенитет отсутствует не только в политическом, но и в юридическом смысле, как бы ни звучала соответствующая статья международного договора. Такова, например, «независимая» Трансиордания по англо-трансиорданскому договору.

В буржуазном публичном праве слова часто служат не для отражения, а для прикрытия действительности. Буржуазная диктатура нередко прикрывается «народным суверенитетом». Империалистическое государство, навязывая колониальной стране неравноправный кабальный договор или договор о протекторате, не стесняется включить в этот договор и статью о «суверенитете» закабаленного государства⁷². Конституция федерации может твердить о «суверенитете» государств-членов, как в Швейцарии. Даже буржуазные государствоведы и юристы не всегда решаются оперировать подобными фикциями. (Так, судья Постоянной палаты Международного правосудия Хадсон признает: «Призрак пустого суверенитета не должен затемнять действительный характер ситуации».⁷³)

Судить о наличии или отсутствии суверенитета лишь по словесной терминологии, употребляемой в международном договоре или конституции, – даже если эта терминология полностью противоречит действительному положению вещей и действительному содержанию этих договоров – было бы несостоятельно ни с политической, ни с юридической точки зрения. Исходя из этого, необходимо считать, что государство, вся территория которого оккупирована врагом, перестает быть суверенным государством, хотя бы правительство его, нашедшее убежище за границей, продолжало признаваться всеми государствами (не считая, разумеется, государства-завоевателя) в качестве суверенного правительства. Признание правительства, фактически утратившего власть над своей территорией в результате оккупации или внутреннего переворота, имеет по существу лишь отрицательный смысл:

⁷¹ Ленин. Соч. 3-е изд. Т. XIX. С. 214, 216 примечание.

⁷² Достаточно указать на то, что согласно Итало-Албанскому «соглашению» в 1939 г. и декларации Италии в апреле 1939 г. насильственно захваченная Албания сохраняла свой «суверенитет».

⁷³ Schwarzenberger. International Law. 1944. P. 56.

это – форма непризнания оккупации или переворота. Оно исходит из молчаливого предположения, что речь идет лишь о временном перерыве в осуществлении суверенитета, который продолжает существовать как потенциальный суверенитет. В период Второй мировой войны множество правительств стран, оккупированных гитлеровскими войсками, продолжало существовать в Лондоне, Каире и так далее и признаваться в качестве независимых правительств. Но говорить в 1941–1943 гг. о Бельгии, Польше или Голландии как о суверенных государствах было бы, разумеется, неправильно. Разве не шла борьба как раз за восстановление нарушенного, вернее, насильственно разрушенного суверенитета? Правительство, не осуществляющее власти на своей территории, может рассматриваться как правительство в формальном смысле, как правительство для некоторых целей, но не как правительство в собственном смысле, т. е. как орган власти суверенного государства.

Освобождение ряда оккупированных гитлеровцами стран в 1944–1945 гг. ознаменовалось серьезными социально-политическими сдвигами в этих странах. Выдвинулись и утвердили свое политическое руководство новые социальные силы, в то время как ранее господствовавшие классы скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом. В процессе борьбы создались новые органы, выступившие представителями тех социальных сил, которые утвердили свое право на суверенитет и стали носителями политического суверенитета в государстве.

Эта ситуация вызвала после крушения гитлеровского «нового порядка» немало государственно-правовых и международно-правовых проблем. При решении этих проблем было невозможно исходить из законности таких реакционных, антинародных режимов и правительств, которые существовали к моменту оккупации, но после оккупации решительно отвергались народом, сопротивлявшимся их возвращению. Послевоенная практика показала, что в тех странах, которые имели возможность свободно решить вопрос о своем будущем политическом строе, этот строй устанавливался в соответствии с новым соотношением внутренних социально-классовых сил. Это означало полное обновление государственной жизни и установление форм новой народной демократии. В некоторых государствах – наиболее яркий пример представляет Греция – лишь внешняя интервенция оказалась в состоянии навязать народу ненавистный ему режим, что не могло не привести к гражданской войне, в которой народ утверждает свое морально-политическое право на суверенитет против империализма и монархо-фашистского правительства, не имеющего за собой по существу ни морально-политического, ни юридического титула на власть.

2

В литературе о суверенитете можно нередко встретить отождествление понятия суверенитета с совокупностью определенных прав властвования. Старые немецкие авторы с особым педантизмом выписывали различные «*Noheitsrechte*», образующие суверенитет. Однако суверенитет не состоит из прав; он является основанием прав, выражая вместе с тем и характер осуществления этих прав.

Суверенитет в международном праве означает полную право- и дееспособность государства. Довольно распространенный в международно-правовой литературе термин «полусуверенные государства» вряд ли можно считать вполне вразумительным. При своем возникновении этот термин относился к государствам, входившим в состав Германской империи. В настоящее время он применяется для обозначения государства с ограниченной право- и дееспособностью. Такими являются страны, находящиеся в состоянии колониальной зависимости, как протектораты, вассальные государства, государства, связанные неравноправными договорами или мандатами. Здесь мы имеем дело с попыткой освящения и легализации в международном праве колониальных режимов. Разумеется, пока суще-

ствуется колониальная система, действующее международное право не может обойтись без определения юридического статуса данных государственных образований; однако нам нет надобности принимать термин, несостоятельный с логической точки зрения и в то же время имеющий определенную политическую тенденцию – приукрасить, затушевать подлинное положение вещей видимостью обладания этими зависимыми, несuverенными территориями, какой-то «частицей» суверенитета.

Полновластие и независимость государства проявляются в осуществлении функций государства и предполагают поэтому наличие соответствующих суверенных прав, юридически обеспечивающих осуществление данных функций. Сюда относятся такие права, как право создания своих органов власти, право ведения внешних сношений, право считаться воюющей стороной, право законодательствования, право суда, право поддержания порядка на своей территории и т. п. Однако наличие этих прав, являясь необходимым условием суверенитета, само по себе еще недостаточно для образования суверенитета. Ибо всеми этими правами может обладать и несuverенное государство. Вассальная Болгария вела войны; несuverенные члены некоторых буржуазных федераций могут располагать известными формальными правами в области внешних сношений и т. п. Таким образом, каждое из этих прав само по себе может принадлежать не только суверенному, но и несuverенному государству. Специфичной для суверенных государств является прежде всего полнота этих прав. Несuverенные государства, как правило, не располагают *всеми* государственными правами и лишены того или иного из этих прав, например права внешних сношений или права рассматриваться как самостоятельная воюющая сторона. Однако основной существенной характеристикой суверенитета является полновластие и независимость в осуществлении этих прав, т. е. наиболее совершенное с точки зрения интересов господствующего класса в государстве обладание ими. Таким образом, суверенитет характеризуется не только объемом прав, но и, что наиболее существенно, особым характером или качеством обладания этими правами. При этом необходимо иметь в виду, что конкретный перечень этих прав не является постоянным, раз навсегда данным, а определяется функциями государства на данной исторической стадии развития общества, изменяясь по мере того, как изменяется состав функций государства. Так, социалистическое государство на второй фазе своего развития по составу своих функций резко отличается от любого буржуазного государства и даже от социалистического государства первой фазы, поскольку в нем отпала функция военного подавления внутри страны, появилась функция охраны социалистической собственности и полностью развилась функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы. Может измениться и характер отдельных функций. Так, с развитием международно-правовых институтов, направленных на обеспечение коллективного подавления агрессии с любой стороны, военная функция государства может свестись к защите своей территории и к обязанности участвовать в коллективных действиях против агрессора. Изменяются в соответствии с изменением материальных условий жизни общества и средства осуществления функций государства. Так, военная функция капиталистического государства эпохи империализма предполагает и далеко идущие экономические мероприятия, идеологическую пропаганду и т. д. и т. п.⁷⁴

Содержание государственных прав изменяется в непосредственной зависимости от: 1) изменения функций государства; 2) изменения форм деятельности государства; 3) изменения характера международных отношений. Все эти изменения непосредственно отражаются на объеме государственных прав. Некоторые права могут оказаться исключенными из числа прав государства. Другие права, как в области международного права, так и в области национального права, могут стать беспредметными или, наоборот, впервые стать правами

⁷⁴ Сталин. Соч. Т. V. С. 168, о войнах Чингисхана, Наполеона III, XX в.

реализуемыми. Эти изменения в составе государственных прав в свою очередь отражаются и на конкретном осуществлении суверенитета.

Итак, суверенное государство отличается от несuverенного полнотой и характером обладания государственными правами. Конечно, суверенное государство может, исходя из интересов своего господствующего класса, без ущерба для суверенитета передать другому государству те или иные права, но при условии, что оно остается хозяином этих прав и может в любой момент вернуть их себе. Так, если одно из маленьких государств передает другому государству право представительства в том или ином иностранном государстве, оно не теряет своего суверенитета при том условии, что оно сохранило право в любой момент отказаться от услуг другого государства. То же самое можно сказать о передаче государством, вступившим в федеративный союз, своих прав союзу, если за этим государством сохраняется право выхода из союза. Иначе обстоит дело в том случае, когда одно государство уступает право представительства другому государству. Такая уступка означает утрату суверенитета, ибо уступленное право не может быть восстановлено иначе, как с согласия обеих договаривающихся сторон. Таким образом, государство утрачивает суверенитет, если оно, хотя бы путем договора, отказалось от использования иначе как с согласия другого государства тех основных прав, которые необходимы для осуществления основных функций государства.

В связи с этим возникает ряд сложных проблем. Ведь любой договор накладывает на государство обязательства, от которых оно не может освободиться своим односторонним актом. Этот аргумент нередко используется для обоснования тезиса о несовместимости суверенитета с международным правом. Всякое обязательство государства в известной мере затрагивает свободу государства в осуществлении им своих функций. Следовательно, можно было бы рассматривать любой договор как ограничение суверенитета. Так, исходя из этого, Оппенгейм вынужден признать, что «независимость – это вопрос степени, и точно так же вопросом степени является вопрос о том, уничтожается ли независимость государства или нет определенными ограничениями»⁷⁵. Эта теория относительной независимости развивалась значительно раньше Рогеном, утверждавшим, что всякое государство, заключившее международный договор, уже не является независимым в строгом смысле слова.

В настоящее время эта «теория» подхвачена критиками суверенитета из числа «теоретизирующих» политиков вроде Мак-Нейля, который на II Генеральной Ассамблее заявлял, что всякий договор означает отказ государства от известных функций своего суверенитета. Но если принять такую аргументацию, то тем самым утрачивается масштаб для оценки политических последствий того или иного договора. По существу она сводится к оправданию любых нарушений суверенитета вплоть до его упразднения, если они оформлены договором, «добровольно» подписанным обеими сторонами.

С нашей точки зрения существенной является взаимность в ограничении государственных прав в международных договорах. Вместе с тем полномочное и независимое использование основных государственных прав, связанных с функциями государства, является важным критерием для различения между договорами, ограничивающими или нарушающими, или даже упраздняющими суверенитет государства, и договорами, хотя и накладывающими на государство определенные обязательства, от которых оно не может освободиться односторонним актом (что вытекает из самой природы договора), но все же не ограничивающими суверенитета государства. Суверенитет не исключает международных обязательств, но создает презумпцию полноты государственных прав, полномочия и независимости государства (об этом чуть ниже).

⁷⁵ *Oppenheim. International Law. 1937. P. 236.*

При этом самое право заключения договора и принятия на себя международных обязательств является одним из наиболее существенных проявлений суверенитета⁷⁶.

Об ограничении суверенитета можно говорить в нескольких смыслах. В одном случае речь идет об изменении в содержании общего понятия суверенитета или в составе вытекающих из него прав в связи с развитием международного права. Такой смысл имеет утвердительный ответ А. Я. Вышинского на вопрос, не является ли Устав ООН ограничением суверенности государств, на заседании Совета Безопасности 13 февраля 1946 г. Разумеется, это не имеет ничего общего с требованиями «ограничения» суверенитета, прикрывающими стремление вовсе разделаться с суверенитетом других государств.

В других случаях, когда говорят об ограничении суверенитета, имеется в виду лишение (хотя бы и на основании договора) какого-либо конкретного государства (например, в результате военного поражения) тех или иных прав, безусловно вытекающих из суверенитета. В таком случае правильнее было бы говорить об ограничении в осуществлении суверенитета. Эти ограничения в осуществлении суверенитета могут пойти настолько далеко, что от суверенитета остается лишь призрак, тень, «*jus nudum*» (голое право). В этом случае нет «ограничения» суверенитета, ибо самый суверенитет исчезает, хотя бы он и продолжал фигурировать в словоупотреблении официальных актов. В других случаях могут иметь место более или менее серьезные нарушения суверенитета, но если договорные обязательства не задевают самой субстанции суверенитета, если они не затрагивают существенным образом права на осуществление государством в качестве независимой и полновластной организации своих функций, если даже, к примеру, при наличии запрета возводить укрепления в той или иной части территории или содержать флот в том или ином море (статьи Парижского трактата 1856 г. о русском черноморском флоте) полновластие и независимость государства не ставятся под вопрос, то, конечно, суверенитет сохраняется, несмотря на некоторые тягостные для суверенного государства ограничения в его осуществлении. Критерием в данном вопросе служит сама реальность, не укладывающаяся в упрощенные схемы.

3

Одним из свойств суверенитета, отмеченных еще Бодэном и Гоббсом, является неделимость суверенитета. Понятие «частичный суверенитет» рассматривается как внутренне-противоречивое понятие, логический абсурд, ибо суверенитет может быть либо полным, либо его нет. Суверенитет содержит в себе и филологически и логически превосходную степень. Разделение суверенитета, таким образом, противоречит самому его смыслу. Однако в век расщепления ядра атома (т. е. «неделимого») эта аргументация звучит уже не так убедительно, как при Зейделе и Кальгуне.

Авторы теории неделимости суверенитета по существу исходили из того, что суверенитет принадлежит не государству, а какому-либо органу государства. Теория неделимости суверенитета, таким образом, утверждала абсолютную и неограниченную власть какого-либо одного органа в государстве. Такую теорию неделимости суверенитета необходимо отвергнуть как неприменимую в современных условиях.

Каков же смысл принципа неделимости или единства суверенитета при нашем понимании суверенитета?

⁷⁶ В этом отношении характерно решение Постоянной палаты международного правосудия от 17 июля 1923 г. по делу парохода «Уимблдон»: «Несомненно, что любое соглашение, порождающее обязанность подобного рода (т. е. обязанность произвести определенные действия или воздержаться от определенных действий), означает ограничение в осуществлении суверенных прав государства. Но способность заключать соглашения и принимать на себя обязательства как раз и является атрибутом суверенитета государства».

Можно ли совершенно отбросить понятие единства суверенитета? Такой вывод был бы неправильным.

Принцип единства суверенитета имеет прочное рациональное ядро, которое необходимо сохранить. Единство – необходимое свойство суверенитета. «Две суверенные власти не могут одновременно, бок о бок, функционировать в одном государстве!»⁷⁷ Этот принцип находит свое применение как при рассмотрении классовой сущности суверенитета, так и при анализе его юридической формы.

Единство суверенитета выражает, прежде всего, свойство политического суверенитета, а именно единство классовой основы суверенитета. В государстве не может быть двух или более господствующих антагонистических классов, ибо в этом случае ни один из классов не властвовал бы, не было бы ни власти, ни государства, а лишь состояние перманентной гражданской войны, в которой, выражаясь известными словами Энгельса, классы с противоречивыми экономическими интересами пожирали бы друга друга в бесплодной борьбе. Единство классовой основы суверенитета находит свое выражение в единстве государственной воли.

Именно марксистско-ленинская наука, вскрывающая классовое содержание суверенитета, в состоянии объяснить то свойство единства суверенитета, о котором говорила и буржуазная наука, но которого она была не в состоянии обосновать.

Это, разумеется, не исключает возможности временных компромиссов между борющимися классовыми силами, взаимных уступок и т. п. Но эти компромиссы и уступки не означают разделения власти между классами, а наоборот, укрепляют власть одного класса, проводящего гибкую «маневренную» политику.

Компромиссы никогда не решают вопроса о власти, они могут определять лишь то или иное направление политики господствующего класса, поступающего теми или иными частичными интересами в целях обеспечения своих коренных интересов и прежде всего своего экономического и политического господства. Когда мы говорим о верховной воле господствующего класса, то мы не хотим сказать этим, что данный класс может вовсе не считаться с волей других классов и действовать всегда по своему произволу. Мы уже указали на то, что понятие воли класса не должно пониматься психологически или антропоморфически. Воля класса это – социальный феномен, это – единство политики, детерминированное интересами класса, в том числе его важнейшим и первенствующим интересом – интересом сохранения и укрепления своего господства. Если этот интерес требует известных уступок и компромиссов, ущемляющих другие побочные интересы данного класса, то политика этих компромиссов и уступок и является волей класса. Подобные уступки, в частности, могут отразиться и в сфере юридических проявлений суверенитета (например, предоставление избирательных прав рабочим в буржуазном государстве). Такие компромиссы могут доходить даже до допущения к власти партии, до некоторой степени связанной с другими социальными слоями, или образования блока социально неоднородных партий. Но это не меняет существа и классовой основы политического суверенитета.

Не исключается и такая ситуация, когда политическая власть принадлежит блоку двух или нескольких неантагонистических классов. Однако это не создает разделения политического суверенитета, ибо в этом случае блок классов как раз и выступает как некоторая единая социальная сила с некоторыми общими интересами, а следовательно, и с общей волей, направленной на обеспечение этих общих интересов. Такая воля является сложной, но все же единой. Единство и сложность при диалектическом понимании не исключают друг друга. В рамках такого блока возможны известные расхождения интересов отдельных классов,

⁷⁷ Маркс и Энгельс. Соч. Т. VII. С. 258.

однако они отступают на задний план перед лицом общего интереса, являющегося основой политического блока данных классов.

В народно-демократическом государстве носителем политического суверенитета является блок трудящихся классов, а именно рабочего класса и трудового крестьянства во главе с передовым классом общества, рабочим классом, классом-гегемоном, играющим руководящую роль в этом блоке, направляющим развитие народно-демократических стран к социализму. «В этих странах к власти пришли представители рабочих, крестьян, представители прогрессивной интеллигенции. Поскольку рабочий класс повсеместно проявил здесь наибольший героизм, наибольшую последовательность и непримиримость в антифашистской борьбе, неизмеримо вырос его авторитет и влияние в народе... ведущей силой является блок трудящихся классов населения во главе с рабочим классом»⁷⁸.

Из сказанного выше ясно, что признанное нами единство политического суверенитета отнюдь не означает, что носителем юридического суверенитета может быть только один-единственный орган, не означает обладания и осуществления суверенитета одним органом. Политический суверенитет неразделен, но осуществление юридического суверенитета может быть формально распределено между несколькими органами.

Отношение того или иного органа к юридическому суверенитету может иметь форму: 1) обладания суверенитетом; 2) частичного обладания суверенитетом; 3) подконтрольного осуществления суверенных прав.

Обладание суверенитетом означает осуществление всех суверенных прав или осуществление части суверенных прав и контроль над осуществлением остальных суверенных прав. Обладание юридическим суверенитетом в силу своего юридического характера подпадает под действие общего правового режима в государстве. Обладатель этого суверенитета осуществляет его в конституционном порядке, но он может отвечать за порядок, а не за содержание своих действий. В последовательно демократическом государстве обладание суверенитетом сосредоточено в руках самого народа.

Частичное обладание суверенитетом означает неподконтрольное осуществление части суверенных прав.

Подконтрольное осуществление суверенных прав есть осуществление этих прав под контролем органа, обладающего или частично обладающего суверенитетом.

Юридический суверенитет может принадлежать совместно нескольким государственным органам, но эти органы всегда тесно связаны между собой единством классовой основы, поскольку они являются органами диктатуры одного класса (или господства блока классов) и каждый из них выполняет определенную функцию в системе механизма данной диктатуры. Как видно из сказанного, отношения между такими органами могут быть весьма различными. Это либо отношения между органом обладающим и органами, осуществляющими суверенные права под контролем первого, либо отношения между органами, каждый из которых частично обладает суверенными правами и т. д. Для буржуазного государства характерны отношения второго рода. Техническая необходимость распределения компетенции между отдельными органами играет тут известную роль, однако такое распределение компетенции было бы само по себе совместимо с концентрацией суверенного контроля в каком-либо одном органе. В буржуазном государстве разделение суверенных прав продиктовано страхом буржуазии перед подлинным и последовательным осуществлением хотя бы даже юридического народного суверенитета. Формально провозглашая этот суверенитет, буржуазное государство на деле противопоставляет ему права парламента и исполнительной власти как права самостоятельные. Это обосновывается, в частности, с помощью прин-

⁷⁸ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. Госполитиздат. М., 1948. С. 7–8.

ципа разделения властей и теории особой «избирательной власти», вводимой в общую схему разделения властей. Так, согласно Ориу⁷⁹, необходимо различать три власти в государстве: избирательную, обсуждающую (или законодательную) и исполнительную.

Те же три «власти» различает и Комбетера⁸⁰.

Смысл этой теории заключается в том, что право народа выбирать представительные учреждения по своей значимости ставится в один ряд с правами других государственных органов – законодательного и исполнительного – и вводится в строго ограниченные конституционные рамки. Народ – это лишь «избирательный орган». Права избирательного корпуса ограничиваются и исчерпываются избранием своих представителей, ибо в силу разделения властей этот корпус обладает только «избирательной властью». Во всей своей дальнейшей деятельности государственные органы совершенно независимы от народа. Согласно этой теории законодательные и исполнительные органы не получают своих полномочий от народа, ибо народ не может никому передать полномочий, которыми он сам не обладает. Располагает же он, согласно этой теории, одной лишь «избирательной» властью. Следовательно, законодательный орган действует «автономно», в силу собственного права.

Совершенно явственно выступают точки соприкосновения этих теорий французской реакции с лабандо-еллинековской теорией представительства, рассматривающей народ или избирательный корпус как орган государства, функция которого устанавливается, как и функции других органов, самим государством. Эта функция, по мнению немецких теоретиков, ограничивается лишь участием в образовании парламента, который юридически является не представителем народа, а органом государства. С окончанием выборов всякое юридически значимое участие избирателей в формировании воли и волеизъявлении государства прекращается⁸¹.

К этому выводу, хотя и из иных предпосылок, приходит и Карре де Мальбер. По его мнению, суверенитет, в частности национальный суверенитет, означает лишь независимость, «вершину» воли и власти, но не включает конкретных функций государственной власти. Суверенитет нации, по мнению Карре де Мальбера, есть основа власти, ее создание и конституирование, но он не означает делегирования тех или иных функций власти органам государства, ибо эти функции никогда не принадлежали нации. «Конституируя себя, нация не передает мандатариям те или иные конкретные полномочия как якобы предшествующие в ней; напротив, сама нация порождает эти полномочия и приобретает их лишь в силу факта установления конституции»⁸².

Таким образом, народу противостоит верховенство парламента, а самому парламенту – независимость исполнительной власти. С этой точки зрения различие между парламентарным государством, вроде Англии, и государствами с формальным разделением властей, как США, – различие количественное, а не качественное. Это различие в удельном весе и в степени самостоятельности отдельных органов и избирательного корпуса (что отражается, разумеется, и на характере их взаимоотношений). Ибо и в парламентарном государстве сохраняется даже юридически известная степень самостоятельности исполнительной власти (например, ответственность монарха). И там и здесь утверждается независимость и ответственность представительных органов перед избирательным корпусом.

В советском государстве политическим и юридическим сувереном является советский народ, участие которого во власти не ограничивается и не исчерпывается выборами. Трудящиеся СССР осуществляют свою власть в лице Советов, во главе с Верховным

⁷⁹ Ориу А. Основы публичного права. С. 604–605.

⁸⁰ *Combethecra*. Manuel de droit public general. 1928. P. 85.

⁸¹ *Laband*. Staatsrecht des deutschen Reiches. S. 288 ets. (3-е изд.).

⁸² *Carré de Malberg*. Ibid. S. 88.

Советом, обеспечивающих под руководством партии движение общества в направлении к коммунизму. Верховный Совет является органом, осуществляющим суверенитет. Он его осуществляет как непосредственный представитель суверенного народа. В его руках – важнейшие права суверенитета и контроль над осуществлением суверенных прав, входящих в компетенцию других органов власти.

Частичное обладание суверенитетом определяется следующими моментами: 1) компетенция, 2) самостоятельность в ее осуществлении. Это – обладание частью прав, представляющих собой проявление государственного суверенитета, т. е. в осуществлении которых государство выступает как независимый член международного общения государств и как полновластная организация внутри своей территории. Сюда относятся такие права, как установление и изменение конституции, образование высших органов власти, издание общих норм высшей юридической силы, решение вопросов войны и мира, заключение международных договоров и т. п.

Порядок осуществления этих прав органом, частично обладающим государственным суверенитетом, характеризуется либо самостоятельным вынесением решения, либо участием в вынесении решения – положительным или отрицательным. Так, например, право объявления войны принадлежит целиком конгрессу США. Право ратификации договоров принадлежит президенту и сенату США, причем сенат участвует в этом не только в порядке наложения вето, но и имеет право вносить изменения в текст договоров (положительное участие). Наконец, президент США участвует в законодательстве путем наложения вето (отрицательное участие). По существу, на таких же началах участвуют в конституционном законодательстве легислатуры штатов США.

Органы, частично обладающие суверенитетом, осуществляют часть суверенных прав государства, но не имеют права контролировать деятельность таких же органов, осуществляющих остальную часть суверенных прав государства. Так, конгресс США не может контролировать деятельность президента по использованию права вето и совершенно бессилен перед президентским карманным вето. Однако и президент не может формально контролировать ни деятельность конгресса, ни деятельность Верховного суда.

Этот пример показывает возможность отсутствия суверенного органа в государстве. В США не является таким органом ни избирательный корпус, ни конгресс, ни президент, ни верховный суд. Каждый из этих органов лишь частично обладает юридическим суверенитетом государства, причем удельный вес их может быть различен в различные эпохи. В отдельных государствах удельный вес того или иного, частично обладающего суверенитетом органа может быть настолько значительным, что этот орган приближается к статусу суверенного органа. Это можно было бы сказать, если оставаться в плоскости формально юридического аспекта суверенитета, об английском парламенте периода «классического» английского парламентаризма.

Мы уже указали на те политические соображения, которыми обуславливается в буржуазном государстве такой строй, при котором ни один орган государства так же, как и избирательный корпус, не является сам по себе обладателем полноты суверенитета. Гарантией единства государственного суверенитета является здесь единство классовой основы всех органов, осуществляющих суверенитет, и буржуазное руководство избирательным корпусом. Буржуазия не заинтересована в юридической концентрации власти в руках какого-либо одного органа. Это, однако, не исключает заинтересованности правящего класса в политической гегемонии на том или ином этапе какого-либо одного из органов, входящих в систему органов государственного суверенитета; именно этому органу присваивается решающая роль в политической жизни. Эта гегемония может вовсе не получить юридического выражения либо получить выражение, далеко не адекватное действительному положению вещей. Так, в рамках формального сохранения английского парламентаризма произошло

перемещение центра тяжести от парламента к кабинету. В США на протяжении XIX и XX вв. при почти полной неподвижности конституции удельный вес отдельных органов и их взаимоотношения претерпевают существенные изменения. Начало XIX в. – это период преобладания палаты представителей, когда сам президент бывал обязан своим выдвижением всемогущему «кокусу» палаты. В 40-50-х гг. на первый план выдвигается сенат. Период, последовавший за гражданской войной, был свидетелем нового возвышения палаты представителей. Наконец, в эпоху империализма фактическое руководство переходит к президенту. Это фактическое преобладание какого-либо одного органа является одним из факторов, обеспечивающих единство действий государства при системе формального разделения властей. Огромна при этом роль политических партий как движущей силы государственного механизма.

Партия занимает определенное место в составе суверенитета государства. Абстрагироваться от этого момента при рассмотрении суверенитета – значит абстрагироваться от самой реальности.

Партия – это авангард класса или какой-либо социальной группы внутри класса. Партия возглавляет борьбу данного класса или группы за власть, т. е. за овладение властью и удержание ее, за проведение государственными органами политики, соответствующей воле и интересам данного класса, данной группы. Следовательно, с одной стороны, партия связана с классом, являющимся носителем политического суверенитета, а с другой стороны, с государственными органами, осуществляющими юридический суверенитет. Таким образом, партия является необходимым связующим звеном между политическим и юридическим суверенитетом, реальным условием осуществления того и другого и их связи. Класс господствует через партию, в которой собраны его активнейшие члены и которую он выдвигает к власти. Партия осуществляет это господство класса через государственные органы, руководящие кадры которых комплектуются из активных членов партии (особо о роли коммунистической партии как партии высшего типа, обеспечивающей народное верховенство в социалистическом государстве, см. ниже часть III, главу 3).

Таким образом, единство и нераздельность государственного суверенитета не исключают участия в этом суверенитете в качестве субъектов обладания и осуществления суверенитета нескольких органов, образующих систему высших органов государства.

Важным и необходимым моментом, выражающим единство юридического суверенитета, является единство действующей в государстве системы права, ее внутренняя непротиворечивость. Из единства и нераздельности политического суверенитета вытекает невозможность действия в государстве на одной и той же территории и в одно и то же время двух противоречащих друг другу норм одинаковой юридической силы⁸³. Другими словами, государство не может предписывать одному и тому же субъекту в одно и то же время и в одних и тех же обстоятельствах исключаящие друг друга правила поведения. Так как право есть возведенная в закон воля суверена, то обратное допущение означало бы раздвоение этой воли или существование двух одинаково суверенных волей. Это явно несовместимо с самой сущностью суверенитета, ибо в этом случае ни одна из таких волей не могла бы быть признана суверенной.

Но это не значит, как мы уже видели, что воля суверена обязательно формулируется одним органом. Можно признать волей суверена согласное решение нескольких государственных органов, например двух палат парламента, или, что по существу одно и то же, решение одного органа, утвержденное другим органом, которому предоставлено право санкции или отмены решения, например решение парламента, избежавшее президентского вето,

⁸³ Если данные нормы неодинаковой юридической силы, то действует только одна норма, а именно норма с высшей юридической силой.

либо решение одного органа, делающее недействительными все противоречащие ему решения других органов.

Такие отношения выражают лишь сложный порядок формирования единой государственной воли. Но если бы одной палате было предоставлено право принимать самостоятельно одно решение, а второй палате – другое решение по тому же вопросу, причем оба имели бы одинаковую силу, то это означало бы распад суверенной государственной власти.

В Советском государстве строго проводится принцип непротиворечивости права. Закон СССР представляет собой согласованное решение обеих палат Верховного Совета СССР. Указ, вносящий изменения в закон, должен быть внесен на утверждение Верховного Совета СССР; постановление Правительства в случае несоответствия закону отменяется Президиумом Верховного Совета СССР; в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует общесоюзный закон; в случае расхождения между законом союзной республики и законом автономной республики действует закон союзной республики.

Эти примеры нагляднее выявляют ту сторону проблемы, которая имеет наибольшее значение для целей нашего исследования. При более детальном рассмотрении проблемы единства или непротиворечивости системы права появляются серьезные трудности логического порядка. Проблема непротиворечивости системы положений – один из основных вопросов логики. Ибо логика не ограничивает свою задачу установлением критерия для распознавания противоречия между двумя изолированными суждениями, но ставит этот же вопрос и в отношении целой дедуктивной научной системы аксиом и выводимых из них положений (теорем). Разумеется, не составляет никакой трудности установить, что в данной системе аксиом отсутствуют суждения открыто противоречащие. Но этим задача отнюдь не может считаться решенной. Требуется еще доказать, что ни одно из положений, выводимых из данной системы аксиом, не вступит в противоречие с какой-либо из аксиом или другим выводимым из них положением⁸⁴.

Конечно, и к системе норм права предъявляется прежде всего требование, чтобы она не содержала открыто противоречащих положений. В противном случае эта система содержала бы нормы, предписывающие одним и тем же субъектам при одних и тех же обстоятельствах с точки зрения их юридической характеристики взаимоисключающие действия, и означала бы раздвоение государственной воли, выраженной в праве.

Однако трудность заключается уже в том, что даже это элементарное требование можно считать практически невыполнимым при необозримом объеме и многообразии нормативного материала, издаваемого по различным поводам в различное время различными органами. Но даже если бы это требование было полностью выполнено, это не разрешало бы вопроса, поскольку не устранена возможность обнаружения противоречия при применении права, т. е. при выведении из общих норм решений конкретных случаев. При огромной сложности социальных явлений неизбежно возникновение казусов, по различным своим признакам подпадающих под действие различных норм, которые в данном случае могут оказаться в противоречии между собой. Такая коллизия поставила бы под угрозу единство системы права, а вместе с тем и единство суверенитета.

Однако тут кончается аналогия между аксиомами геометрии и нормами права. Геометрическая аксиома не терпит изъятия. Если она оказывается неприменимой хотя бы в одном случае, она тем самым уже теряет всю свою силу, признается ошибочной. Единство системы права является несравненно более гибким. В праве неприменимость нормы в том

⁸⁴ В новейшей геометрии эта задача решается путем такой интерпретации понятий, фигурирующих в геометрических аксиомах, при которой эти аксиомы были бы справедливы и в отношении арифметики вещественных чисел. Таким образом, если допустить, что арифметика вещественных чисел свободна от противоречий, то свободной от противоречий следует считать и геометрию.

или ином отдельном случае или категории случаев не исключает ее полной применимости во всех остальных случаях. Поэтому для устранения противоречия в системе права достаточно было бы дать разъяснение в самом тексте закона, что те или иные отдельные случаи либо исключаются из сферы действия данной нормы как регулируемые другой нормой, либо, наоборот, тоже регулируются данной нормой и тем самым изымаются из сферы действия другой нормы, либо регулируются какой-то третьей нормой.

Однако ни один законодатель не может предусмотреть в тексте закона все те частные случаи, при которых может возникнуть коллизия норм. Выполнение указанных выше требований может лишь уменьшить количество спорных случаев, но не может предотвратить их появление. Из постулата единства права вытекает, что в тех случаях, когда закон прямо не указывает, какая из коллизионных норм должна быть применена, этот вопрос решается самим органом, применяющим право, на основании общих правил, выработанных юриспруденцией, как, например, правила о предпочтении более новых норм старым («*lex posterior derogate priori*»), специальных норм – общим и т. п. Все эти правила исходят из непротиворечивости системы права как необходимой презумпции («*legislator pop praesumitur sibi ipsi contrarius*»)⁸⁵.

Наконец, решающее значение имеет оценка интересов, защищаемых нормами, вступившими в противоречие друг с другом (например, нормой об охране тайны переписки и нормой об охране государственной безопасности). Но и при этом опять-таки исходят из того, что государство не может предписывать двух исключających друг друга способов поведения.

Преодоление формально-логических противоречий между нормами права предполагает со стороны органа, применяющего право, умение применять его *диалектически* ко всему многообразию жизненных явлений.

Как видим, речь тут идет не о непротиворечивости в строгом логико-математическом смысле, а о юридической презумпции, о требовании, которым необходимо руководствоваться как при установлении, так и при применении права, требовании, в котором как раз и воплощен принцип единства суверенной воли государства, единства классовой основы государства, находящий свое осуществление в многообразной деятельности различных органов государства⁸⁶.

4

Следующее традиционное свойство суверенитета – его неограниченность. Оно было сформулировано Бодэном, как и принцип неделимости суверенитета в прямой связи со взглядом на монарха как носителя суверенитета. Появление сконцентрированной в одном органе неограниченной и абсолютной власти и послужило поводом или одним из поводов к выявлению принципа суверенитета. Однако это свойство суверенитета оказалось наиболее уязвимым; факты ограничения высшей власти в государстве как внутренним государственным правом (например, в конституционной монархии или в президентской республике), так и международным правом послужили в новейшее время предлогом к отрицанию понятия суверенитета (особенно у Прейса). Это служит доказательством того большого, можно сказать решающего значения, которое приписывается данному свойству суверенитета.

⁸⁵ Васильковский. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1913. С. 87 и сл.

⁸⁶ В русской дореволюционной литературе наиболее резким противником понятия единства государственной воли был Коркунов (Закон и Указ. 1894. С. 133, 138–140 и др.), указывавший, в частности, на множественность органов, участвующих в формировании решений государства. Рассуждения Коркунова страдают двумя недостатками: 1) они игнорируют единство классовой основы этих органов; 2) они не учитывают единства и непротиворечивости системы права как главного юридического показателя единства государственной воли при всей сложности процесса ее формирования.

Необходимо также отметить отсутствие в буржуазной науке единого понимания неограниченности суверенитета. Одни понимают эту неограниченность как абсолютную несвязанность государства какими бы то ни было нормами, в том числе и этическими. Родоначальником такого понимания суверенитета можно считать Гоббса. Другие понимают эту неограниченность как чисто правовую, которая, по их мнению, совместима с любой степенью фактической ограниченности⁸⁷. Обе концепции страдают формалистическим подходом к вопросу о суверенитете.

Неограниченность суверенитета, разумеется, нельзя понимать в смысле неограниченных прав одного органа. Любой орган, осуществляющий юридический суверенитет, даже суверенный орган (в указанном выше смысле), как это вытекает из самого определения юридического суверенитета, связан определенным правовым порядком конституирования и функционирования.

Однако принцип неограниченного суверенитета сохраняет определенный смысл и значение. Это самостоятельный признак суверенитета, не совпадающий с монополизацией властного принуждения, хотя и тесно связанный с ним. Монополизация власти означает, что только государство может властно принуждать; неограниченность власти означает, что государство может принуждать ко всему тому, что оно сочтет необходимым.

С точки зрения классового содержания суверенитета принцип неограниченности суверенитета есть не что иное, как политический принцип полновластия диктатуры господствующего класса. Эта неограниченность заложена и в самой природе диктатуры. Она означает, что диктатура класса не исчерпывается одними лишь юридическими формами. Она выражает тот факт, что воля суверена как источника закона стоит *над* законом, имеет надправовой характер. Этот надправовой характер диктатуры (и суверенитета) проявляется в тех случаях и только в тех случаях, когда воплощенные в данной диктатуре морально-политические нормы приходят в столкновение с действующими правовыми нормами. Неограниченность суверенитета в аспекте политического содержания означает не связанность его морально-политическими нормами, а лишь их приоритет над юридической формой суверенитета.

⁸⁷ Из русских ученых, развивавших учение о юридической неограниченности суверенитета, отметим *Чичерина* (Курс государственной науки. Т. I. С. 29–30, 62–64), *Шершеневича* (Общая теория права. С. 217), *Ивановского* (Учебник государственного права. С. 75–76).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.